

Четыре сборники Древней Руси

Уставные чтения — сборники правоучительно-повествовательного характера, состоящие в основном из произведений дидактического и торжественного красноречия, агиографических сочинений, а также полемических слов, толкований, кратких правоучительных сентенций. У. ч. — четыре сборники, возникшие и распространившиеся согласно требованиям церковного устава (ПБЭ, т. 5, стб. 807) в дополнение и обоснование служебных книг и устной проповеди, — служили просветительским целям христианской церкви. У. ч. предназначались как для коллективного, так и для индивидуального чтения в положенное уставом время и по определенному уставом порядку.

Содержание и состав У. ч. не были строго регламентированы, что дало толчок к эволюции этих сборников в славянских странах и обусловило многообразие их типов. В книге «Стоглав» упоминаются следующие сборники У. ч.: «Евангелие толковое и Златоуст, и жития святых и Пролог...» (Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинех (Стоглав). М., 1890, с. 81). Научной классификации сборников У. ч. до сих пор нет. В. П. Виноградов называет 4 типа сборников У. ч.: Толковое Евангелие, *Торжественник*, *Златоуст*, Минеи четыри (Виноградов В. П. Уставные чтения, вып. 3, с. 6). В ПБЭ четыре сборники подразделяются на две группы: сборники подвижного, изменяющегося состава, содержащие произведения разных авторов (Четыри минеи, *Пролог*, *Торжественник*, *Златоуст*, *Сборник*, *Пятидесятница*, *Учительное Евангелие*, а также *Пчела*, *Измарагд*, *Златая цепь*, *Златая Матица*), и сборники более или менее неподвижного состава, в которые включаются произведения одного автора (*Златоструй*, *Андритис*, *Мargarit* Иоанна Златоуста, «*Лествица*» Иоанна Лествичника, «*Паренесис*» Ефрема Сирипа, сборники слов Григория Богослова, Василия Великого и других христианских писателей). Ко второй группе сборников примыкают *Патерики*. Добавим к этим спискам еще *Рай* — литературно-учительный сборник с относительно устойчивым составом статей разных авторов (см. *Рай I*). Вероятно, в XVI—XVII вв. как У. ч. начинают использоваться и *Великие Минеи Четыри* митрополита Макария.

Сборники У. ч. могли быть календарными и некалендарными. Выделяются две разновидности календарных сборников соответственно делению года в церковной практике на две части: минейную и триодную. Сборники минейные примыкают к месяцеслову, литературный материал в них расположен по дням памятей святых и праздников в порядке чисел месяца (с 1 сентября по 31 августа), например Минеи четыри, Пролог, минейный Торжественник. Сборники триодные содержат статьи на дни Триоди постной и цветной (с недели мытаря и фарисея до недели всех святых) и на дни после пятидесятницы, например Златоуст, Сборник, Рай. Некоторые сборники могли включать в свой состав сочинения минейной и триодной календарной приуроченности. В некалендарных сборниках материал организован в тематической последовательности.

Перечисленные выше типы книг в древнерусской письменности существовали не изначально и появились в разное время. Начало формирова-

ния древнерусских сборников У. ч. относится к XI—XIV вв. и вызвано культурными потребностями. По данным Н. К. Никольского, в христианской церкви еще с древнейших времен установился обычай после собственно богослужения предлагать слушателям чтения из творений известных церковных писателей. «Во многих христианских странах, и в том числе и в Древней Руси, — пишет Н. К. Никольский, — указанная практика вызвала ряд попыток группировать наличные чтения в систематические сборники» (Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, сост. в конце XV в. СПб., 1897, с. XVI—XIX (Изд. ОЛДП, № 113)). Значение требования уставных предписаний для развития древнерусской письменности было отмечено А. Горским и К. Невоструевым: «Требованиями устава возбуждалось в предстоятелях церкви русской . . . заботливость вскоре приобрести . . . жития и слова, назначенные уставом, в славянском переводе. И таким образом полагалось основание своим Четьям минеям, Торжественникам и др. собраниям слов» (Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869, отд. 3, ч. 1, с. 256).

Сборниками У. ч. определялся репертуар книг в первую очередь монастырских библиотек; в церквях потребность в У. ч. была значительно ниже, о чем позволяет судить предписание митрополита *Киприана*: «Еуангелие же толковое въ церкви чести, а на трапезе чтуть Потерикъ и святого Ефрема и святого Дорофея, а николе останется на праздникъ чтение праздничное и не поспеють на заутрени прочести и ти прочтуть на трапезе, такоже и Шестодеельникъ святого Василья и святого отца Иоана Златоустаго» (РИБ, СПб., 1880, т. 6, стб. 259—260). Ранних четых древнерусских сборников по сравнению с книгами служебными дошло до нас немного (см.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. — АЕ за 1965 г., М., 1966, с. 177—272), причем определенные типы сборников У. ч., за редким исключением, в Древней Руси XI—XIV вв. не выделяются (на основе анализа календарных сборников У. ч. эта мысль гипотетически высказана в статье Т. В. Черторицкой «О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник» (в кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 97—114)). Судя по содержанию ранних четых сборников, значение их заключалось в том, чтобы объяснить «новопросвещенному» народу догматический смысл христианского вероучения, воспеть, опоэтизировать события церковной истории, дать образцы христианского подвижничества и наглядные примеры для подражания.

Время наиболее широкого распространения сборников У. ч. в древнерусской письменности — конец XIV—XVI в. В этот же период в связи с членением и распространением древнейших четых книг происходит типовое оформление многих древнерусских сборников У. ч., например таких как Торжественник, Златоуст, Рай и др. Литературной основой сборников У. ч. явились сочинения византийских и южнославянских писателей: Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского, Василия Великого, Григория Назианзина, Симеона Метафраста, Климента Охридского, Феофилакта Болгарского, Иоанна, экзарха Болгарского, безымянных византийских и славянских агиографов. Высокие художественные достоинства переводных сочинений, взятых за основу при составлении древнерусских сборников У. ч., в известной степени определили то большое влияние, которое оказали У. ч. на расширение литературного и культурного кругозора древнерусских читателей, на развитие оригинальной русской литературы. Впоследствии состав У. ч. был пополнен сочинениями русских авторов, среди которых такие известные, как митрополит *Иларион*, *Кирилл Туровский*, *Сератион Владимирский* и др.

Возникновение сборников У. ч. — чрезвычайно важный факт в исторической, культурной жизни Древней Руси: «Уставным чтениям выпало

на долю быть главным источником русских духовных идеалов... типичные чтения заправляли духовным воспитанием народа», — пишет Н. К. Никольский (Исторические особенности..., с. 225—226). Составление сборников У. ч. активизировало переводческую деятельность, способствовало созданию библиотек. С судьбой У. ч. тесно связана судьба многих произведений оригинальной древнерусской литературы. «Древнерусские Измарагды и Златоусты вызваны были накоплением в древнерусской письменности собственно русских поучений», — пишет П. В. Владимиров (Из истории древнерусской письменности. — ЧИОНЛ, 1895, кн. 9, отд. 4, с. 33). Подобные замечания были сделаны также В. М. Истриным, А. С. Архангельским, Е. В. Петуховым, В. П. Виноградовым. Формирование сборников У. ч. и появление новых переводных и оригинальных сочинений в литературе Древней Руси — взаимообусловленный процесс. Состав древнерусских сборников У. ч. чутко реагирует на новые общественно-политические, церковные, культурные события Древней Руси, на новые читательские запросы. У. ч. определили некоторые литературные особенности оригинальных произведений — южнославянских и русских, так как между сборником и сочинениями, включенными в его состав, существует не только идейное, но сюжетно-композиционное, художественно-образное единство.

История развития некоторых типов У. ч. на русской почве свидетельствует о постепенном изменении их функции в жизни древнерусского общества: в конце XVI—XVII в. некоторые сборники У. ч. используются не только в культовых целях, но распространяются в «миру» и становятся чисто литературными и в известной степени беллетристическими сборниками (см. Торжественник, Четыи минеи). Сборники У. ч., возникшие под влиянием насущных потребностей древнерусского быта и вошедшие в себя массу переводного и оригинального историко-литературного материала, служат важным источником для изучения культурной жизни средневековья, бытования памятников древнерусской литературы.

Лит.: ПБЭ, Пг., 1904, т. 5 (статья «Изборники»), стб. 804—813; Виноградов В. П. 1) Уставные чтения (проповедь книги): Историко-гомилетическое исследование. Вып. 1. Уставная регламентация чтений в греческой церкви. Сергиев Посад, 1914, с. 3—32; вып. 3. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915; 2) К вопросу о литературных источниках, составе и происхождении древнеславянской группы поучений на Четырдесятницу: (Из истории сборников «Уставных чтений»). — В кн.: Библиографическая летопись. СПб., 1914, вып. 1, с. 83—100; Никольский Н. К. 1) Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси. — ХЧ, 1901, ч. 1, с. 220—236; 2) Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902, с. 1—32 (ПДПИ, № 148).

Т. В. Черторицкая

Великие Минеи Четыи (далее: ВМЧ) — свод древнерусских оригинальных и переводных памятников (главным образом житийных и риторических) церковно-учительного и исторического характера, предназначенных иосифлянской церковью для «душеполезного чтения» как идеологическое средство утверждения Русского самодержавного государства XVI в. А. С. Орлов (Книга русского средневековья..., с. 37, 48) относит ВМЧ к числу книг русского средневековья «энциклопедического вида». ВМЧ были задуманы митрополитом *Макарием* как своего рода свод всех книг, «чтомых» на Руси, — свод, регламентирующий официально подобранный и утвержденный церковью и государством годичный «круг чтения» из 12 миней (книг на каждый месяц). Известны три «чистовых», полностью заверенных списка ВМЧ (фактически представляющих три самостоятельные редакции или, точнее, три книжных свода (цикла) по 12 книг в каждом): Софийский, Успенский и Царский. Названия спискам даны по месту их первоначального хранения и принадлежности. К настоящему времени из 12 книг Софийского (Новгородского) списка ВМЧ сохранилось 8 фолиантов (утрачены экземпляры за

декабрь, январь, март и апрель месяцы): 7 в составе Софийского собрания ГПБ, постатейно описанные Д. И. Абрамовичем, а Минея за август хранится в ЦГАДА (см.: Центральный гос. архив древних актов. Путеводитель, ч. 1). Успенский список ВМЧ, единственный из всех трех сохранившийся в полном составе, находится в Синодальном собрании ГИМ (см.: Протасьева Т. Н. Описание... , ч. 1, № 784—795 (986—997), с. 174—190). От Царского списка уцелели 10 томов (отсутствуют книги за март и апрель), также хранящиеся в Синодальном собрании ГИМ (см.: там же, № 796—805 (174—183), с. 191—207).

Общее представление о последовательности формирования трех беловых списков ВМЧ, дивящегося около 25 лет, можно составить на основании вкладных записей и предисловий митрополита Макария («Летописцев»), предпосланных томам ВМЧ. Создание Софийского списка ВМЧ было начато в Новгороде в 1529/30 г. и длилось в течение 12 лет. Как свидетельствуют вкладные записи, 12 книг Софийского списка были вложены Макарием в Новгородский Софийский собор «на помин» души его родителей в 1541 г. 12 книг Успенских ВМЧ Макарий внес как вклад «на память своей души и по своих родителей в вечный поминок» в Успенский Кремлевский собор в 1552 г., где этот комплект миныей хранился до 1886 г., после чего был передан в Синодальную (Патриаршую) библиотеку. Работа над Царским списком, предназначенным для царя *Ивана IV*, продолжалась еще в 1554 г. (в XVII в. Царский список ВМЧ хранился в царских палатах: на его декабрьской книге осталась помета дьяка Ивана Арбенева о принадлежности ее царю *Федору Алексеевичу* и Приказу книг Печатного двора). Создание Софийского списка происходило при новгородском архиепископском доме Макария трудами «многих различных писарей» и книжников, не только переписывавших произведения, но и переделывавших их и предпринимавших новые переводы и «исправления» их по греческим оригиналам, «от иностранных и древних пословиц, перевода на русскую речь», — как писал об этом в предисловии к ВМЧ сам Макарий. Для формирования первоначального состава ВМЧ были привлечены материалы всех, подвластных архиепископу Макарию новгородских и псковских библиотек (Софийской, Вяжицкой, Огеньской и др.). Работа над Успенским и Царским списками ВМЧ частично также продолжалась и в Новгороде (здесь, например, происходило копирование текстов Софийского списка), но митрополит «всая Руси» мог уже привлекать к работе над Успенским и Царским списками ВМЧ писцов и книжников различных городов и монастырей всех концов России, а окончательное оформление этих списков, очевидно, происходило под его наблюдением в Москве, в его митрополичьем скриптории.

Литературная история ВМЧ полностью не исследована. Предварительные наблюдения В. А. Кучкина над ноябрьской книгой ВМЧ раскрыли весьма сложные и неоднократные текстологические связи Софийского, Успенского и Царского списков. В копию, снятую около 1542 г. с Софийского списка ноябрьской миныей, в течение 5 лет (с 1542 по 1547 г.) вносились дополнительные тексты (например, Толковое евангелие), а окончательно Успенский список миныей за ноябрь был сформирован около 1550 г. Работа над самым поздним Царским списком ВМЧ за ноябрь велась новгородскими и московскими мастерами магарьевской «школы» в два приема, с привлечением материалов и Софийского и Успенского списков (Кучкин В. А. О формировании Великих Миныей Четий... , 1974, с. 25). Е. В. Барсов в предисловии к «Описанию ВМЧ», составленному А. В. Горским и К. И. Невоструевым (1884, с. X), отмечает существенные отличия Софийского списка (почти в два раза меньшего по объему) от состава обоих московских списков ВМЧ (в том числе и в оформлении их миныейной части), которые пополнились житиями русских святых (*Житие Иосифа Волоцкого* и др.), созданными в 1547—1549 гг., началь-

ными «Летописцами», излагавшими содержание и историю создания ВМЧ, собранием слов *Григория Цамблака*, книгами Мефодия Патарского (см. «Откровение» Мефодия Патарского), *Златой цепью*, *Пчелой* и др. Кроме трех основных списков ВМЧ, Софийского, Успенского и Царского, исследователями также зафиксировано наличие сокращенной редакции майской книги ВМЧ 1569 г. (см. работу С. А. Бугославского) и существование черновых списков ВМЧ (например, декабрьской ВМЧ — см. работу Н. Ф. Дробленковой). Для воссоздания полной картины развития и связей между собой текстов всех трех 12-томных книжных сводов ВМЧ необходимо дальнейшее разыскание и привлечение к изучению всех списков ВМЧ, включая их черновые и поздние копии и редакции XVII—XVIII вв.

Изучение ВМЧ началось еще в конце XVII в. с описания их состава, когда справщик Печатного двора, монах *Евфимий*, составил краткое «Оглавление» ВМЧ по Успенскому списку (оно известно в двух списках — ГИМ, Синодальное собр., № 587 и 694, а также в черновом автографе из собрания М. П. Погодина, коллекция П. М. Строева). «Оглавление» было опубликовано В. Ундольским в 1847 г. (следует отметить, что Т. Н. Протасьева в «Описании...», ч. 1, трижды — на с. 172, 173 и 208, примеч. 2 — делает ошибочное примечание, со ссылкой на Н. С. Гринбаума, что составленное Евфимием «Оглавление» ВМЧ не было издано). Последующие описания состава ВМЧ принадлежат Савве (1858 г.), Иосифу (1892 г., — полное оглавление Успенского списка ВМЧ), А. В. Горскому и К. И. Невоструеву (научное постатейное описание ВМЧ с 1 сентября по 26 мая; подготовлено к изданию в 1884 и 1886 гг. Е. В. Барсовым) и Т. Н. Протасьевой, дополнившей это описание не вошедшими материалами и указаниями русских оригинальных статей в Успенском и Царском списках ВМЧ (см.: Протасьева Т. Н. Описание... ч. 1).

В основу ВМЧ были положены материалы миней домакаръевского состава (см. статьи М. Н. Сперанского — 1896 и 1901 гг.) и *Пролога* (Синаксаря) — Стишного и 2-й (Славянской) редакции, а также *Торжественников*. Кроме того, они были пополнены агиографическими сочинениями, житиями и мучениями святых, русскими и переводными, полными текстами патериков (*патерики азбучного*, *Иерусалимского*, *Египетского*, *Синайского*, *Скитского*, *Сводного* и *Киево-Печерского*), библейскими книгами (Евангелиями, Апокалипсисом, Толковыми Псалтирями и проч.), риторическими произведениями, праздничными и похвальными словами, поучениями, посланиями, толкованиями, сочинениями «отцов церкви» — Василия Великого, Григория Богослова, целыми сборниками (*Златоустом*, *Златоустуем*, *Маргаритом* и др.), Тактиконом Никона Черногорца, а также разнообразными историческими и публицистическими произведениями, сказаниями и «хождениями», документальными материалами (уставами, актами, грамотами и проч.), Кормчей книгой и даже апокрифами. При сборе материала, который часто копировался с поздних, испорченных списков, производилось исправление «древних пословиц»: на основе древнейших писались новые редакции и делались новые переводы или производились сверка и исправление переводных библейских, житийных и других произведений по их греческим оригиналам (В. Латышевым, например, установлена редакция греческой рукописи *Жития Федора Студита*, с которой сделан был перевод этого Жития для ВМЧ, а В. П. Адриановой-Перетц выявлены исправления по греческому оригиналу в тексте *Жития Алексея, человека божия*, включенного в ВМЧ под 10 ноября). Состав ВМЧ велик, разнообразен и представлен различными жанрами. Однако, безусловно, далеко не все книги, читавшиеся на Руси в первой половине XVI в., как задумывал Макарий, были включены в ВМЧ: не вошли летописи, хронографы и целый ряд историко-литературных сочинений, притом не только светских

по содержанию, а произведения некоторых авторов были включены не полностью (лишь несколько из известных посланий *Киприана*, слов *Кирилла Туровского* и др.).

Созданию ВМЧ предшествовала огромная составительская и редакторская работа, связанная не только с отбором материала и распределением его по томам и внутри каждого тома, но и состоявшая в сплошной и в очень существенной идейно-стилистической переработке всего пестрого состава ВМЧ и в «исправлении» «ложных» и «отреченных слов», чтобы в соответствии с замыслом Макария приспособить их к проповеди идей иосифлянской церкви, сделать «душеполезным чтением»; при этом строго прослеживалось, чтобы изложение было выдержано в едином торжественном и велеречивом стиле, который Д. С. Лихачев определяет как стиль «второго монументализма». Как правило, включение памятника в ВМЧ приводило к созданию его новой редакции. Этот процесс особенно нагляден на примере житий. Митрополиту Макарию в создании ВМЧ, по всей видимости, принадлежит их замысел, участие в окончательном редактировании и решении вопросов о составе. Случаи его личного участия в этом книжном своде как писателя еще предстоит выявить. К созданию ВМЧ были привлечены широкие круги русских писателей, переводчиков, книжников и переписчиков, начиная от известных публицистов и агиографов, таких, например, как *Зиновий Отенский*, *Василий Михайлович Тучков*, *Ермолай Еразм*, дьяк *Дмитрий Герасимов* (Толмач), пресвитер *Илья*, псковский священник-агиограф *Василий-Варлаам* и др. до неопытных авторов какого-нибудь единственного сочинения, написать которое для ВМЧ им было поручено Макарием. «Во спасение души» предпринимали книгописные труды для ВМЧ и высшие церковные иерархи XVI в., такие как новгородский архиепископ *Феодосий*, епископ крутицкий *Савва Черный*, епископ вологодский и владимирский *Иоасаф*. Писцы работали над ВМЧ не только в книгописных мастерских митрополита в Новгороде и Москве, но по велению царя переписывали книги также и в других городах России. о чем, например, свидетельствует запись писца Мокия (см.: Савва. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 210). Имена писцов, на долю которых легло копирование текстов ВМЧ, наиболее полно сохранились на полях Царского списка (в Успенском списке большинство этих записей было срезано при реставрации рукописи в XVII в. — см. «Описание...» Т. Н. Протасьевой, ч. 1 (М., 1970)).

Внешнему оформлению ВМЧ и соблюдению их композиции, расположению материала по годичному кругу церковного календаря придавалось особое значение. В каждой из 12 книг ВМЧ (по типу домакарьевских миней и прологов) произведения подобраны и расположены в порядке дней, на которые приходится «память» святого (день его имени). Та часть материала, которая не поддавалась тематическому распределению по порядку дней календаря, так как не имела связи с именем святого, помещалась в конец книги, в последних числах месяца, как своеобразное дополнение к Минее. Составители стремились выдержать и пропорциональное единство объема всех 12 книг ВМЧ. Внешнее оформление ВМЧ также выдержано в стиле «второго монументализма». Размеры 12-томного книжного свода огромны и вполне соответствуют названию «Великие» миней, в отличие от миней домакарьевского состава. Каждая из 12 книг насчитывает от 1500 до 2000 листов, форматом в развернутый александрийский лист, заполненных полууставом разных почерков в две колонки и изукрашенных изящными заставками нововизантийского стиля (по золотому фону с преобладанием синей краски). Заглавия выполнены четкой киноварной вязью. Кроме того, иллюминированы отдельные сюжеты внутри книг (см., например, лицевые книги Софийского и Успенского списков за август и др.). У части книг сохранились переплеты XVI в. (с обрезом досок по размеру листов), обтяну-

тые кожей, украшенной богатым тиснением; на средниках зеленой меди вязью вырезано название месяца.

Создание ВМЧ зафиксировало состав книг, особенно ценившихся и имевших наибольшее обращение в определенных кругах грамотных людей рубежа XV—XVI вв., и способствовало сохранению от гибели многих литературных памятников. Сбор книг по городам и монастырям Руси способствовал также формированию в Москве будущей Патриаршей (Синодальной) библиотеки. В XVII в. ВМЧ были положены в основу Миней *Германа Тулунова* и *И. И. Милюгина*, а в конце XVII в. — в основу Миней четьих *Димитрия Ростовского*, завершившего замысел митрополита Макария о заполнении произведениями всех дней годового круга чтения. Особой популярностью ВМЧ Макария пользовались у старообрядцев (выписки из ВМЧ встречаются в составе старообрядческих сборников — «Цветников»). В подражание ВМЧ *Андрей Денисов* составил свои Миней четьи для Выговской пустыни.

Научное издание текстов ВМЧ Макария (по трем спискам) было частично осуществлено Археографической комиссией в 1868—1916 гг. Незданными остались книги за январь (с 11-го числа), февраль, март, май, июнь, июль и август. При пользовании этим изданием следует помнить, что в нем Успенскому списку ошибочно дано наименование Царского; это внесло путаницу в последующие работы исследователей (издание, предпринятое Московской старообрядческой книгопечатней при журнале «Златоструй», носит выборочный характер и также не завершено).

Изд.: Буслев. Историческая хрестоматия, стб. 771—784 (отрывки); Великие Миней Четги, собранные митрополитом Макарием, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868; сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869; сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883; октябрь, дни 1—3. СПб., 1870; октябрь, дни 4—18. СПб., 1874; октябрь, дни 19—31. СПб., 1880; ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897; ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899; ноябрь, день 16. М., 1910; ноябрь, дни 16—17. М., 1911; ноябрь, дни 16—22. М., 1914; ноябрь, дни 23—25. М., 1916; декабрь, дни 1—5. М., 1901; декабрь, дни 6—17. М., 1904; декабрь, дни 18—23. М., 1907; декабрь, день 24. М., 1910; декабрь, дни 25—31. М., 1912; декабрь, день 31. М., 1914; январь, дни 1—6. М., 1910; январь, дни 6—11. М., 1914; апрель, дни 1—8. М., 1910; апрель, дни 8—21. М., 1912; апрель, дни 22—30. М., 1916; «Книга глаголемая Козмы Индикоплова» из рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел: Миней Четья митрополита Макария (новгородский список) XVI в. Месяц август, дни 23—31. СПб., 1886 (Изд. ОЛДП, № 86); Жития и поучения святых из Великих Четых Миней, собранных всероссийским митрополитом Макарием. (Приложение к журн. «Златоструй»). М.: Московская старообрядческая книгопечатня. Вып. 12. Октябрь, день 2. М., 1912; вып. 13. Октябрь, дни 2—6. М., 1912; вып. 16. Октябрь, дни 14—17. М., 1913; вып. 17. Октябрь, дни 17—19. М., 1913; вып. 18. Октябрь, дни 19—20. М., 1913.

Лит.: Ундольский В. 1) Библиографические разыскания по случаю выхода «Описания Библиотеки имп. Московского общества истории и древностей российских», составленного П. М. Строевым. М., 1845. — Москвитянин, 1846, № 11—12. с. 209—210; 2) Оглавление Четых Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в московском Успенском соборе, составленное справщиком, монахом Евфимием. — ЧОИДР, 1847, кн. 4, отд. 4, с. III—VIII, 1—78; Савва, архимандрит. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 209—211; Макарий, епископ. О новгородских Макарьевских Четых Минейях. — В кн.: Летописи Тихонравова. М., 1859, т. 1, с. 68—73; Ключевский В. О. 1) Великие Четьи Миней, собранные всероссийским митрополитом Макарием. (Изд. Археограф. комисси, т. 1. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868) (перездание рецензии, опубликованной в газете «Москва», 1868, № 90 от 20 июня). — В кн.: Ключевский В. О. Отзывы и ответы: III сборник статей. М., 1914, с. 1—20 (2-е изд.: Пг., 1918); 2) Древнерусские жития, с. 221—297; Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (Иноземные источники). (Продолжение). — Труды КДА, 1875, № 5, с. 348—351; Сергий, архимандрит. Полный месяцеслов Востока. М., 1875, т. 1, с. 203—215; Прил., № 9, с. 74—130 (2-е изд.: Владимир, 1901, с. 264—265, 273); О Четых Минейях. — ПДП, 1879, № 4, вып. 3, с. 39—56; Веселовский А. Заметки по литературе и народной словесности: III. К Сказанию о прении жидов с христианами. СПб., 1883, с. 26—28 (СОРЯС, т. 32, № 7); Владимиров П. В. Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII века). — ЧОИДР, 1883, кн. 2, отд. 4, с. 68—75; Горский И. Невоструев. Описание ВМЧ. — ЧОИДР. 1884, кн. 1, отд. 2, с. I—XIX, 1—64;

1886, кн. 1, отд. 2, с. 65—184; Лебедев В. К истории кирилло-мефодиевского славянского перевода Библии на Руси. (Продолжение). — Странник, СПб., 1885, № 3, с. 407—411; Иосиф, архимандрит. Подробное оглавление Великих Четых Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей, ныне Синодальной библиотеке. М., 1892. IV с. 502 стб.: Пономарев А. И. Жизнь и подвижнические труды преподобного Сергия Радонежского по древнему славяно-русскому Прологу и по Четым Минеям митрополита Макария. — Странник, СПб., 1892, № 9, с. 3—19; Сперанский М. Н. 1) Протокол 14 заседания Славянской комиссии Московского археологического общества: (Реферат доклада о южнославянских Четых Минеях и реформе Макария в Минеях). — В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1895, т. 1, с. 34—35; 2) Сентябрьская Миней Четья домакарьевского состава. СПб., 1896, с. 1—23 (СОРЯС, т. 64, № 4); 3) Октябрьская Миней Четья домакарьевского состава. — ИОРЯС, СПб., 1901, т. 6, кн. 1, с. 57—87; 4) Славянская метафрастовская Миней Четья. — ИОРЯС, СПб., 1904, т. 9, кн. 4, с. 176—189; Гребенетский А. Слова и поучения в Великих Четых Минеях митрополита Макария. — Труды КДА, 1901, № 5, Прил., с. 367—369; Сироткин С. М. [Письмо по поводу издания и состава ВМЧ за декабрь месяц]. — ЛЗАК, СПб., 1901, вып. 12. Извлечения из протоколов, с. 126—130; Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека, вып. 2. Четьи Миней. Прологи. Патерики. СПб., 1907, с. 1—154; Бугославский С. А. Сокращенная редакция Великой Четьи Миней за май месяц в рукописи Казанской духовной академии № 514 (533) (631). — ИОРЯС, СПб., 1913, т. 18, кн. 4, с. 347—351; Мансикка В. Жизнь Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913, с. 107—142, Прил., с. 15—31, 33—48 (ПДПИ, т. 180); Попов Н. П. 1) Автографы митрополита Макария, собирателя Великих Миней. — ЛЗАК, СПб., 1913, вып. 25, с. 5, примеч. 2; 2) Иосифово Сказание о ереси жидовствующих по спискам Великих Миней. — ИОРЯС, СПб., 1913, т. 18, кн. 1, с. 173—197; 3) О возникновении Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. — В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М., 1934, с. 31, 33—36; Шестаков Д. Заметки о греческих текстах житий в Макарьевских Минеях Четях. — БВ, 1914, февраль, с. 369—382; Латышев В. Житие преп. Федора Студита в мюнхенской рукописи № 467. — ВВ, М., 1915, т. 21, вып. 3—4, с. 222—257; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и текстов). — ЧОИДР, 1915, кн. 3 (254), с. 123—139, 215—217, 257—260; Прил. (№ 31), с. 124—137; Адрианова В. П. Житие Алексея, человека божия, в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917, с. 99—107; Яцмирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературам. LXXXIII—LXXXIV. — ИОРЯС, СПб., 1917, т. 22, кн. 1, с. 27—44; Щеглова С. А. Богогласник: Историко-литературное исследование. Киев, 1918, с. 208, 231—232, 292—294; Перетц В. Н. Исследование и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков: IX. К изучению Четьи 1489 г. — В кн.: Сборник по русскому языку и словесности. Л., 1928, т. 1, вып. 1, с. 9—12, 19—21; Орлов А. С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды. — Доклады АН СССР. Сер. «В», 1931, № 3, с. 37—51; Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. М., 1946, ч. 1, с. 142 (Рукописное собр. кн. М. А. Оболенского, ф. 201. Славяно-русские рукописи); Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невострьева/Под ред. М. В. Щепкиной. М., 1970, ч. 1, с. 170—208 (№ 784—807); Рогов А. И. Миней (справка). — В кн.: Методические рекомендации. М., 1973, вып. 1, с. 297—305; Кучкин В. А. 1) О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария. — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Тезисы докладов Второй всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. М., 1974, с. 22—26; 2) О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 86—101; Дробленкова Н. Ф. Ранний вариант декабрьской Великой Миней Четьи. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976, с. 386—390; Алексеев В. Н. Троицкий книгописец Герман Тулунов. — В кн.: Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1981, с. 126—137.

Н. Ф. Дробленкова

Златоструй — широко распространенный в древнерусской книжности XII—XVII вв. сборник постоянного состава, содержащий слова, по преимуществу надписанные именем Иоанна Златоуста и в незначительной части принадлежащие другим авторам. В русской рукописной традиции известны две редакции З.: Краткая, в составе которой, видимо, не 81 слово, как было принято считать, а 106 (с включением слов, надписанных именами других авторов: Василия Великого, Анастасия Синаита, Кирилла Александрийского, Ефрема Сирина и др.), и Полная, содержа-

щая 137 слов. В списках Полной редакции тексту З. предшествует предисловие («прилог»), где говорится, что З. был составлен болгарским царем Симеоном (893—927), который, «божественного писания испытав и всех учитель нравы, и обычаи, и мудрость разумев», выбрал «слова от всех книг» Иоанна Златоуста и составил из них книгу, именуемую «Златоструй», так как «сладкие речи» ее словно «златые струи» омывают душу людей. Однако большинство ученых сомневается, что Симеон принимал участие в составлении З. Сомнительно также, чтобы славянский книжник производил выборку непосредственно из сочинений Златоуста. В. Н. Малинин, рассмотрев соотношение обеих редакций З. с греческими источниками, полагал, что составители памятника обращались к византийским сборникам, содержащим уже извлечения из сочинений Иоанна Златоуста или их переработки.

Слова и поучения, входящие в Краткую редакцию З., имеют по большей части дидактический характер. В них говорится о необходимости посещать церковь и благоговейно внимать службе, о соблюдении поста, об искреннем покаянии, о почтении к родителям, «учителям» и «старейшинам». Верующих призывают быть щедрыми на милостыню, терпимыми к окружающим, не желать зла недругам, не прельщаться мирскими соблазнами и заботиться о чистоте поступков и помыслов, не предаваться скорби в бедах, не оплакивать чрезмерно умерших (ибо им — если они жили праведно — суждено вечное блаженство), помнить о грядущем Страшном суде. По наблюдениям Малинина, основным источником этой редакции З. были компилятивные статьи, составленные из нравоучительных частей Бесед Златоуста на новозаветные книги (Деяния апостолов, послания апостола Павла к римлянам, коринфянам, филиппийцам, к Тимофею, к Титу, к евреям и др.).

Полная редакция тематически сходна с Краткой. Слова, читающиеся только в Полной редакции, посвящены тем же вопросам, что и общие для обеих редакций статьи (см., например: «Слово о милостыне...», «Слово о будущем суде...», слова о «лихоимстве», «объядении и пьянстве», «о молчании и неудержании языка», наставления «како достоит чаedom чтити родителя своя», «о вскармлении детей» и т. д.). В настоящее время Краткая редакция известна в семи списках. Это списки: ГПБ, Ф.п.1.46 (XII в.); БАН, 33.16.15 (1407 г.); ГПБ, Ф.1.241 (XVI в.); ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 145 (начало XV в.); ГБЛ, собр. Егорова, № 283 (середина XV в.); ГБЛ, собр. Тихонравова, № 621 (XVI в.); ГИМ, Музейское собр., № 3455/1 (2-я половина XV в.). Список ГПБ, Ф.п.1.46 дефектный: в нем нарушен порядок листов, есть несколько лакун. На л. 66—114 читается текст другой подборки статей, которую традиционно именуют «Торжественником», ошибочно отождествляя с памятником, сложившимся позднее. В рассматриваемом списке в тексте одного из слов обнаруживаются чтения, указывающие на русского редактора или переписчика: там упоминаются Русь, кривичи и вятичи (л. 177) и «русская церковь» (л. 179) (Срезневский. Сведения и заметки, с. 26). Существует предположение, что рукопись была в числе других книг в библиотеке ростовского епископа Кирилла I (см.: Соболевский А. И. Остаток библиотеки XIII века. — В кн.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 205—207). Ростовское происхождение рукописи было подтверждено и лингвистическими наблюдениями Ф. В. Карауловой.

Полный текст Краткой редакции читается под 13 ноября в *Великих Минеях Четых.* Два фрагмента З. Краткой редакции находятся в коллекции «Финляндских отрывков» БАН: БАН, 4.9.40 и 4.9.42 — оба XIII в. Полная редакция сохранилась во фрагментах ГПБ, Q.п.1.74, XI в. (так называемый «Златоструй Бычкова») и БАН, 4.9.41, XIII в. (из числа «Финляндских отрывков»), а также в ряде полных списков: БАН, 33.2.12 (XV в.); ГБЛ, Музейное собр., № 8190 (XVI в.) и 9116

(XVII в.); собр. Рогожского кладбища, № 191 (XVI в.) и 185 (XVII—XVIII вв.); собр. Овчинникова, № 283 (XVII в.); собр. Егорова, № 240, 227, 865 (XVI в.) и 1393 (XVIII в.); собр. МДА, № 14/44 (XVI в.) и 15/43 (1474 г.); ГИМ, собр. Уварова, № 188 (XVI в.); Чудовское собр., № 214 (XV в.); собр. Успенского собора, № 14/1079 (1505 г.) и 15/1080 (XVI в.); собр. Барсова, № 345 (XVII в.); ГПБ, Основное собр., F.I.218 и F.I.503; собр. Погодина, № 1008 (XVI в.) и 1009 (XVII—XIX вв.); Соловецкое собр., № 259/182 и 260/183 (XVI в.); Кирилло-Белозерское собр., № 115/240 (XVI в.); Библиот. АН Литовской ССР, № 238 (XVI в.), 239 (XVII в.) и др. Два фрагмента БАН, 13.7.1 и Дмитр. 1 являются частями рукописи Хиландарского монастыря № 382 (XIV в.), как это установила Кл. Иванова (Иванова Кл. За Хиландарския препис на пръвия Симеонов сборник. — Старобългарска литература. София, 1979, кн. 5, с. 69—76).

3. использовался в древнерусской письменности при составлении других сборников устойчивого состава — *Златоуста* и *Торжественника*. В *Златоусте* читаются следующие слова из 3.: 1) в среду 1-й недели поста — «Слово Иоанна Златоуста о среде и о пятце», нач.: «Братие, приспе время доброго исповедания...» (в 3. Краткой редакции — слово 39 (здесь и далее нумерация слов по списку в составе ВМЧ)); 2) в пятницу 5-й недели поста — «Поучение Иоанна Златоуста о суетном сем житии и о пользе душевной», нач.: «Возлюблении, оставивше суетнии дела...» (в Кратком 3. — слово 70, в Полном 3. — слово 77); 3) в неделю 15-ю после недели всех святых — «Притча о дворе п змии», нач.: «Вся убо, возлюблении, яже во времена архиереи...» (в Полном 3. — слово 52); 4) в неделю 21-ю — «Слово Иоанна Златоуста об алкании», нач.: «Днес, возлюблении, врачу душевному поклонимся...» (в Кратком 3. — слово 46); 5) в неделю 34-ю — «Слово Иоанна Златоуста о втором пришествии Христове», нач.: «По вознесении господа бога и спаса нашего...» (в Кратком 3. — слово 80); 6) в неделю 34-ю — «Слово Иоанна Златоуста о твари божии», нач.: «Бог премудростию своею всю тварь...» (в Кратком 3. — слово 43, в Полном 3. — слово 80); 7) в неделю 36-ю — «Поучение Иоанна Златоуста о казнях божиих и о страстях», нач.: «Братие, тяготу греховную отрясше...» (в Кратком 3. — слово 40, в Полном — слово 86). Кроме того, два слова из 3. входят в постоянный состав триодного Торжественника: «Слово о кресте и отвержении Петра апостола» (нач.: «Потребно есть в се время и долг Иову воздати...») и «Слово о покаянии и о блудном сыну» (нач.: «Присно убо боже человеколюбие проповедати...»). В отдельные списки триодного Торжественника входят и другие слова 3. Так, в список Торжественника ГПБ, собр. Погодина, № 199 входит, помимо указанных, еще три слова из 3.; в сходном по составу с Торжественником сборнике БАН, 33.12.11 в общей сложности читается 14 слов 3. Как показал А. С. Архангельский в 4-м выпуске своей книги «Творения отцов церкви...», 3. был использован также составителем *Измарагда*.

Изд.: ВМЧ, ноябрь, дни 13—15. М., 1899, стб. 1180—1579 (и добавочные статьи до стб. 1920); Малинин В. Н. Десять слов Златоустра XII в. СПб., 1910.

Лит.: Калайдович К. Иоанн екарх Болгарский. М., 1824, с. 15, 100 (примеч. 43); Шафарик П. И. Расцвет славянской письменности в Булгарии. — ЧОИДР, 1848, № 7, отд. 3, с. 54; Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие... Ивану Никитичу Царскому. М., 1848, с. 109—122; Палаузов С. Н. Век Симеона Болгарского. СПб., 1852, с. 84; Срезневский И. И. 1) Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПб., 1863, с. 192—199; 2) Сведения и заметки: (XXI. Златоустру; XXIV. Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанного преподобному Феодосию Печерскому). СПб., 1867, т. 1; Малинин В. Исследование Златоустра по рукописи XII века имп. Публичной библиотеки. Киев, 1878; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, вып. 4, с. 103—110, 112—117, 120—153, 157—172, 205—207, 211—214, 225—228; Чаговец В. А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения: Историко-литературный очерк. Киев, 1910, с. 84—126; Изергин В. Материалы для литературной истории

древнерусских сборников: 1. Греческий источник одного слова в «Златоусте». СПб., 1905, с. 1—15 (СОРЯС, т. 80, № 1); Соболевский А. И. Из области древней церковно-славянской проповеди. — ИОРЯС, СПб., 1906, т. 11, ч. 1, с. 45, 50—52; Малоземов А. Слово Иоанна Златоустаго на воскресение. СПб., 1908 (ПДПИ, № 169); Иванова Кл. Неизвестна редакция на Златоусту в сръбски извод от XIII в. — Сборник исторје књижевности, кн. 10. Стара српска књижевност. Београд, 1976, с. 89—107; Караулова Ф. В. Палеографическое и фонетическое описание рукописи «Златоусту» XII века. Автореф. канд. дис. Л., 1977; Thomson Fr. J. *Chrysostomica palaeoslavica: A preliminary Study of the sources of the Chrysostomica (Zlatostruy) Collection.* — *Cyrillomethodianum, Thessaloniques*, 1982, t. 6, p. 1—65.

М. С. Фомина

Златоуст — древнерусский учительный сборник устойчивого состава, один из сборников Уставных чтений, состоящий из дидактических и эпидейктических сочинений, приуроченных к определенным дням триодного цикла. З. — популярный памятник древнерусской литературы XVI—XVII вв. Известны три основных разновидности З.: З. постный, содержащий статьи, посвященные только подготовительным к великому посту неделям и периоду великого поста; З. пятидесятный, в основе которого лежит постный З., продолженный статьями на воскресные и некоторые будние дни от антипасхи до недели всех святых; З. годовой, содержащий статьи от недели мытаря и фарисея до 36-й недели после недели всех святых.

Свое название сборник получил, вероятно, оттого, что большинство слов, вошедших в его состав, надписывалось именем Иоанна Златоуста. В рукописной традиции типовое определение сборника встречается не ранее XVI в. (например: «Книга, глаголемая Златоуст, в настоящей сей книзе от мытаря и от фарисея, в пост в великий по все дни чтение да неделе в весь год. . .» — список БАН, 32.5.5; «Книга, глаголемая учительной Златоуст» — список ГИМ, собр. Уварова, № 316 (111) и др.). В З. ряд статей идентичен статьям других сборников: триодного *Торжественника*, книги *Рай*, *Сборника*, *Златоустуя*, *Измарагда*, а также *Златой матицы* (см.: Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. — ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 2, с. 491—511) и *Златой цепи* (см.: Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древнерусской письменности: К вопросу о Златых цепях. Киев, 1894).

Относительно происхождения прототипа З. и времени окончательного оформления этого сборника как самостоятельного типа древнерусской книги нет единого мнения. А. С. Орлов, опираясь на работы А. В. Горского и Е. В. Петухова, предлагал считать литературным ядром, из которого образовался З., собрание южнославянских дидактических слов на «четыредесятницу» (с недели мытаря и фарисея до пятой недели поста включительно). Шесть редакций З., которые выделяет А. С. Орлов, отражают, по его мнению, процесс постепенного складывания сборника на протяжении XIV—XVII вв., расширения его календаря, усложнения жанровой структуры. В работе Т. В. Черторицкой (*Торжественник — памятник русской литературы XIV—XVI вв.: Литературная история сборника.* Автореф. канд. дис. М., 1979, с. 22—23) высказана мысль, что древнерусские З. формируются только в конце XV—начале XVI в. на основе триодного четверго сборника за счет увеличения в его составе количества дидактических сочинений, приуроченных к будним дням триодного круга, постепенного вытеснения ими эпидейктических гомилий, расширения календаря сборника до 36-й недели после недели всех святых. Примером такого триодного сборника может послужить сборник ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9. В основе общего прототипа З. и триодных Торжественников, как доказывается в статье Т. В. Черторицкой «О начальных этапах. . .», лежит группа переводных византийских эпидейктических гомилий, дополненная оригинальными славяно-русскими сочинениями — словами Климента Охридского, *Серапиона Владимир-*

ского, а также других безымянных славянских авторов. Сводку таких предположительно или определенно славянских сочинений, надписываемых именем Иоанна Златоуста, содержит статья Е. Э. Гранстрем «Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности» (ТОДРЛ, Л., 1980, т. 35), где из упомянутых ею сочинений № 1, 2, 11—13, 16, 18, 26, 30, 37, 42, 43, 46, 47, 59, 64, 70, 73, 83—85, 95, 102, 105 и 106 входят в число постоянных статей различных редакций З. Типологически З. в XIV—середине XV в. еще не выделились, что подтверждается данными картотеки Н. К. Никольского (хранящейся в БАН СССР): там числятся 7 списков З. рубежа XV—XVI вв. и 131 список XVI—XVII вв.

Тематика большинства статей З. до недели всех святых связана с Евангелием — это различные вариации на темы евангельских сюжетов, поясняющие, распространяющие, украшающие и толкующие их. По своей жанровой природе это слова дидактические и эпидейктические, посвященные празднику пасхи и пасхальному циклу.

Другая группа сочинений в составе З. посвящена теме христианской этики, вопросу общественной и личной морали: это поучения «как лепо христианину жити», «о почитании книжном», «о смирении», «о зависти», «о пьянстве», «о чистоте душевной» (против «грабления», злодеяния, душегубства), «о пользе душевной». Слова З. могли быть направлены против остатков языческих верований и обрядов: «о лечащихся от болезней волхвованием», «о христианском житии» (осуждение «срамословия», «глумления», «плясания», «сатанинских песен» и т. д.). Содержались в З. статьи о поведении в церкви во время службы и после нее, статьи «естественно-научные» («о твари небесной», «Сказание о небесных силах и чего ради создан человек на земли»), а также сведения о вселенских соборах и т. д. Эти дидактические сочинения встречаются среди статей на евангельские темы, но в основном они составили вторую часть З. — от «пятидесятницы» до 36-й недели после недели всех святых. По свидетельству А. Архангельского (Творения отцов церкви..., с. 213—214), многие из них явились поздними добавлениями к прототипу и были извлечены из другого древнерусского сборника — Измарагда. Несмотря на то что в З. вошли переводные слова и поучения византийских и болгарских авторов, ученые, исследовавшие этот сборник, единодушны во мнении, что З. в своей традиционной на Руси форме был составлен древнерусским книжником и включает также произведения русских авторов с несомненными признаками русской современности и народного быта (Горский А. В. О древних словах..., с. 35—36, 44; Петухов Е. Древние поучения, с. XI; Архангельский А. С. Творения отцов церкви..., с. 213—214; Изергин В. Дополнения..., с. 20—21; см. также названную выше работу Е. Э. Гранстрем).

Первоначально функции З. в древнерусском обществе определялись требованиями устава, который назначал для чтения за богослужением специальные статьи собственно правоучительного характера или связанные с событиями церковного календаря. Факт создания и функционирования З. и других четких сборников постоянного состава ставится А. И. Соболевским в зависимость от замены устава по редакции патриарха Алексея тишком Иерусалимским (см.: Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894, с. LIV). В Стоглаве З. упоминается среди «божественных книг», которые «во вся дни заутрени, и воскресны и праздничныя, и дневныя, пели бы по уставу... на поучение и на просвещение, и на истинное покаяние, и на добрые дела». Из церковной практики З. переходит в домашний обиход и становится одной из самых читаемых книг древнерусского общества XVI—XVIII вв. Популярность З. определяется прежде всего учительным характером этой книги. Слова З. просты, обычно лишены риторической украшенности, невелики по объему: задача нравственного назидания, стремление к доступности сочинений подчиняют

себе манеру изложения. Переводные и оригинальные слова, входившие в З., оказывали большое влияние на религиозно-этическое и эстетическое образование средневекового читателя. В З. с его подчеркнутым разграничением добродетелей и пороков формулировался моральный кодекс благочестивого христианина. «Воинствующий дидактизм» делает З. своеобразным публицистическим памятником русского средневековья.

Как указано выше, З. имеет три основных разновидности: З. постный, З. пятидесятный и З. годовой. Основной состав статей каждой из разновидностей З. в целом достаточно устойчив, большинство слов на предпасхальные недели одинаково в З. всех разновидностей. Однако почти в каждом списке памятника можно встретить индивидуальные отклонения от канонического типа, выражающиеся чаще всего в добавлении новых и реже в пропуске традиционных статей. Поэтому следует различать списки, которые, несмотря на такие индивидуальные особенности, могут быть надежно отнесены к определенному виду памятника, и списки, которые следует считать З. особого состава, восходящими к той или иной разновидности.

Реже всего встречаются списки З. постного. Традиционный вид содержит около 65 слов: на неделю о мытаре и фарисее, на неделю о блудном сыне, на субботу и воскресенье недели мясопустной, на среду, пятницу, субботу и воскресенье недели сыропустной, а затем на все дни семи недель поста, причем на некоторые дни (четверг 1-й недели поста, вторник 2-й недели, понедельник и вторник 3-й недели, четверг и субботу 4-й недели, вторник 5-й недели, четверг цветной недели) читается по два слова. Из описанных списков этой разновидности З. укажем списки БАН 16.18.5; ГИМ, собр. Уварова, № 43/317 и 595/313; ГПБ, собр. Титова, № 762.

З. пятидесятный в основном соответствует З. постному, однако в добавление к нему содержит слова на пасху, антипасху, на неделю новую (вторую) после пасхи, неделю 3-ю, среду и воскресенье 4-й недели, неделю 5-ю, 6-ю (иногда и на четверг 6-й недели), на субботу и воскресенье 7-й недели, на пятидесятницу, понедельник после пятидесятницы и неделю всех святых. Из описанных рукописей этой разновидности назовем списки: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 142; ГПБ, собр. Титова, № 752 и 755; ГИМ, собр. Уварова, № 158/314 и 782/315.

Наиболее распространены списки З. годового. Он встречается в двух основных разновидностях: Краткой и Пространной. Краткий вид З. годового содержит слова на неделю о мытаре и фарисее, на неделю о блудном сыне, субботу и воскресенье мясопустной недели, субботу и воскресенье недели сыропустной, субботу и воскресенье 1-й недели поста, на воскресные дни 2-й и 3-й недель, на среду и воскресенье 4-й недели, на субботу и воскресенье цветной недели, четверг и субботу страстной недели, на пасхальное воскресенье, а затем на воскресные и некоторые будние дни 2—7-й недель после пасхи, на пятидесятницу, на понедельник после пятидесятницы, на неделю всех святых и на последующие 36 недель, причем на недели 7-ю, 8-ю и 10-ю читается по два слова. Этот вид представлен, например, списками: БАН, 33.13.15 и 16.18.1; ГБЛ, собр. Большакова, № 215. Пространный вид З. годового содержит слова не только на воскресные, но и на будние дни недель поста, совпадая в этой своей части с З. постным и пятидесятным. В статьях после недели всех святых Краткий и Пространный виды идентичны. Из описанных списков Пространного вида укажем списки: ГБЛ, собр. Большакова, № 215; ГИМ, собр. Уварова, № 111/316; ГПБ, собр. Титова, № 751 и 753. Отметим, что ряд слов, читающихся в Пространном виде З. годового после недели всех святых, повторяет слова, читающиеся в будние дни недель поста: так, слова на субботу мясопустную, на вторник—пятницу 1-й недели поста, на субботу 2-й недели поста, на среду и четверг 3-й недели поста повторены соответственно в 14-ю, 5-ю, 6-ю, 8-ю, 3-ю (в составе

слова о богатом и Лазаре), 18-ю, 11-ю, 9-ю и 12-ю недели после недели всех святых. Поэтому в некоторых списках Пространного вида на месте этих слов в постные недели помещаются отсылки к тем же словам в дни после недели всех святых. В некоторых списках 3. годового имеются слова на 37—44-ю недели после недели всех святых, что фактически выходит за рамки годичного круга (см., например, списки БАН, 33.10.1, 33.12.5 и др.). Редкая разновидность 3. годового представлена списком ГИМ, Синодальное собр., № 231. Этот список, подробно описанный А. Горским и К. Невоструевым (Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 83—111), часто привлекался исследователями 3. и служил основанием для суждений о его составе. В то же время в данном списке много индивидуальных, лишь ему принадлежащих статей; так, только в нем, например, встретились слова на все дни пасхальной (светлой) недели. В списках 3. годового XVI—XVII вв. среди дополнительных, не входящих в традиционный состав памятника статей встречаются и слова *Кирилла Туровского*: слово в неделю цветоносную и слово в новую неделю «о Фомине испытании ребр господне»; что же касается других слов Кирилла, то они входят либо в 3. особого состава, либо в сборники, близкие по составу к 3.

Первые издания 3. относятся к концу XVIII в. Это — почаевское издание 1795 г., супрасльское, также 1795 г., и ряд виленских, первое из которых вышло, видимо, в 1798 г. Текст в почаевском издании в основном сходен с традиционным составом 3. годового лишь до недели всех святых, затем состав печатного 3. существенно расходится с рукописным. В словах на 26—34-ю недели после недели всех святых почаевское издание сходно с виленским, но отличается от супрасльского. В последующих печатных изданиях 3., вышедших вплоть до начала XX в., были заменены, сравнительно с изданием 1795 г., только отдельные слова.

Изд.: Книга глаголемая Златоуст, в ней же всяко ухищрение божественаго писания истолковано святым великим Иоанном Златоустом и святыми отцы. Почаев, 1795.

Лит.: Горский А. В. О древних словах на святыю четыредесятницу. — Прибавления к ТСО, М., 1858, ч. 17, с. 34—64; Забелин И. Е. Из книги Златоуста. — В кн.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872, ч. 1, с. 179—188; Петухов Е. Древние поучения на воскресные дни великого поста. СПб., 1886, с. 1—XIX, 1—30 (СОРИС, т. 11, № 3); Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. — ЖМНП, 1888, август, с. 213—214; Изюргин В. М. [Дополнения к докладу А. С. Орлова]. — Отчеты о заседаниях имп. ОЛДП в 1903—1904 гг. СПб., 1904, с. 20—22 (ПДПИ, № 156); Орлов А. С. Сборники Златоуста и Торжественник. СПб., 1905, с. 3—91 (ПДПИ, № 158); Черторицкая Т. В. О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа). — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 96—114; Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст». — ТОДРЛ, Л., 1985, т. 39, с. 278—284.

О. В. Творогов, Т. В. Черторицкая

Измарagd — древнерусский сборник устойчивого состава, сложившийся не позднее XIV в. Основную массу статей И. составляют слова и поучения на темы христианской морали. В отличие от сборников уставных чтений — *Златоуста* и *Торжественника* — И. предназначался для домашнего или монастырского келейного чтения. Филарет без каких-либо на то оснований считал составителем И. *Дионисия*, епископа суздальского и нижегородского, и выделял 42 слова, которые, по его мнению, «могут быть признаны за несомненно русские сочинения» (Филарет. Обзор, с. 80). А. Д. Седельников и вслед за ним Н. П. Попов связывали возникновение И. с еретическим движением стригольников. А. И. Клибанов, возражая им, тем не менее ставил создание И. в связь с антицерковным движением начала XIV в., указывая на важную для памятника идею противопоставления «учения книжного» церковному, т. е. отражение борьбы за право мирян самостоятельно обращаться к Священному писа-

нию. В И. это «учение книжное» изложено исключительно просто, доступно для широкого читателя.

В И. выделяются достаточно четко две основные редакции: первая, состоящая из 88 глав, и вторая, содержащая 165 глав. И. первой редакции открывается «*Стословцем*» Геннадия, в котором излагаются основные догматы христианского вероучения. Непосредственно за ним следуют слова «о почитании книжном» (гл. 2—5); той же теме посвящена и глава 40, предостерегающая от «величания» «книжной мудростью». Высказывания о пользе чтения имеются и в других главах. И. наставляет читателя в христианском благочестии. Он напоминает о неизбежной каре за грехи на страшном суде (гл. 9, 10, 28, 37, 59), о сущности поста и необходимости его соблюдения (гл. 31, 32, 78), о значении церковных таинств (гл. 35) и молитвы (гл. 43, 45), о правилах поведения в церкви (гл. 7, 50, 51). В главах 72—79 содержатся наставления священникам. Утверждается, что не обязательно «спасаться» в монастыре, достаточно соблюдать правила благочестия и в мирской жизни (гл. 46). Догматические и духовно-нравственные вопросы раскрываются в главе 67, содержащей апокрифические ответы Афанасия Александрийского Антиоху. Большое внимание уделяет И. проповеди христианских добродетелей. Ей посвящены, например, две аллегорические притчи — «О богатых» (аполлог из «*Повести о Варлааме и Иоасафе*») и «Притча о дворе и змии» (гл. 10 и 68). И. осуждает различные пороки: гордость (гл. 14), гнев и нетерпимость (гл. 15, 47, 48), скупость и сребролюбие (гл. 38, 39, 44), пьянство (гл. 60, 64; высказывания против пьянства содержатся также в гл. 24, 27, 29, 34, 36 и др.). Резко осуждает И. пороки и обычаи, которые он связывает с остатками язычества: «срамословие», игры, пляски, пение, волхование, оплакивание умерших (гл. 13, 23—26, 56). Группа слов И. посвящена обличению «злых жен» (гл. 52—54), содержатся в нем наставления отца к сыну, регламентируются отношения главы семьи к домочадцам и челяди (гл. 22, 55, 58). Заключает И. первой редакции группа слов эпидейктического характера, приуроченных к воскресным дням поста, а также к четвергу страстной недели, пасхе и антипасхе (гл. 69, 80—88).

Как можно видеть, идеологическая роль И. в древнерусской книжности сложна и противоречива. С одной стороны, опираясь на евангельские заповеди, И. учит добру, трудолюбию, щедрости, осуждает корыстолюбие, злобу, пьянство. Но с другой стороны, «используя требование безусловной покорности своей судьбе, безграничного терпения к нищете, полного повиновения всем властям — светским и духовным... поучения тем самым поддерживали тех, кто утверждал непоколебимость существующего общественного строя, кто подавлял любые формы социального протеста, даже выражаемого в религиозной форме» (Адрианова-Петец В. П. К вопросу о круге чтения... с. 24).

Вторая редакция И. весьма существенно отличается от первой по составу: в нее не вошло 38 глав, читавшихся в первой, а добавлено 115 новых глав. Совпадающие статьи обеих редакций сильно отличаются текстуально. По мнению В. А. Яковлева, наиболее обстоятельно исследовавшего памятник, вторая редакция представляет собой «совершенно свободную и сильно пополненную переделку первой. Причем изменения касаются не только расположения и пополнения составляющего сборник материала новыми главами, но и переделки текста самих слов, его составляющих; иногда эта переделка была сделана на основании источников слов, причем автор ее считал необходимым ближе держаться их текста» (Яковлев В. А. К литературной истории... с. 202). В основном содержание и идейная направленность обеих редакций И. сходны, но некоторые темы получили во второй редакции большее развитие. Так, расширено количество поучений о необходимости милостыни и нищелюбия (добавлены главы 40, 64, 69, 108, не имеющие соответствия в первой ре-

дакции), поучений с осуждением несправедливого богатства (гл. 30, 77, 78, 122, 136, 163), с призывом соблюдать пост (гл. 107, 120, 124, 125), с напоминаниями о Страшном суде (гл. 11, 30, 96, 142, 162). Внимание к этой теме исследователи связывают с актуальностью размышлений о грядущем «конце света» в XV в., когда истекла седьмая тысяча лет от «сотворения мира». Во второй редакции И. появились главы, в которых даются наставления о нормах семейного быта и брачных отношений (гл. 26, 48, 49, 51, 55, 56), осуждается взгляд на погибших «нечаянной смертью» как на грешников (гл. 31, 82, 118); в главах 73—75 настойчиво разъясняется, почему праведный человек нередко бывает несчастен в жизни, — вопрос, который, вероятно, задавали себе верующие, исходя из утверждений того же И. о неизбежности кары грешникам и награды праведникам. Вторая редакция расширила круг повествовательных статей — притч, патериковых рассказов (см. гл. 38 — «Слово от патерика, яко не достоин от церкви итти егда поют»; гл. 47 — «Притча Варлаама о трех друзех»; гл. 60 — «Слово о некоем блуднице, иже милостыню творя, а блуда не остави»; гл. 102 — «Слово о старце, иже молитвою с небесе сведе дождь», и др.).

Помимо этих двух редакций В. А. Яковлев выделил редакции И., которые появились, по его мнению, в результате приспособления И. для нужд определенной группы читателей, например монастырской братии. Однако классификация списков И. далеко не завершена и суждения об истории его текста и взаимоотношениях редакций и видов еще требуют исследования и подтверждения. Не решен вопрос об источниках И.: не ясно, вошли ли статьи, принадлежащие византийским, южнославянским и русским авторам, в И. уже в переработанном виде или же их редакция осуществлялась составителем И. Имеющиеся в научной литературе суждения о взаимоотношениях И. с другими сборниками устойчивого состава требуют проверки и могут быть подтверждены лишь после обстоятельного текстологического исследования всей совокупности связанных друг с другом памятников: И., *Пролога*, Златоуста, *Златоустрия* и др. Однако уже сейчас можно отвести предположение В. А. Яковлева, что «одним из более близких источников» И. является Златоуст (Яковлев В. А. К литературной истории... с. 39). Соответствия с И. обнаруживаются либо в статьях Златоуста, появившихся лишь в поздних списках памятника, либо в статьях, общих для Златоуста и различного рода триодных четых сборников, откуда они и могли быть заимствованы составителем И. Так, читающееся в 82-й главе И. первой редакции «Поучение в 3-ю неделю поста» и «Поучение о пречистых тайнах», читающееся в 86-й главе той же редакции, встречается лишь в редких списках постного и пятидесятного Златоустов (в списке ГИМ, Синодальное собр., № 232 и списке БАН, 13.2.6); «Притча Иоанна Златоуста о блудном сыне» (гл. 8 первой редакции И.) соответствует тексту, читающемуся не в Златоусте, а в некоторых сборниках (например: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9 и 11). Таким образом, не Златоуст в его традиционном составе явился источником И., а, напротив, И. был использован как источник для некоторых дополнений в списках Златоуста, относящихся к XVII в. Н. Петров, анализируя печатный Пролог (по его позднему изданию 1817 г.), отмечал, что И. «был одним из самых богатых источников, доставлявших материал для проложных поучений» (Петров Н. О происхождении и составе... с. 298—299). Это наблюдение справедливо лишь по отношению к печатному Прологу, действительно широко использовавшему И. как один из источников. Вопрос же об отношениях И. к Прологам старших редакций не исследован, как на это указывал еще А. И. Соболевский в рецензии на книгу В. А. Яковлева. Тем не менее в работах А. С. Архангельского и В. А. Яковлева, в рецензии П. В. Владимирова на книгу А. С. Архангельского, а также в отдельных статьях и обстоятельных описаниях И. (например: Горский А., Невоструев К. Описание

славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 53—83; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 562—591) содержатся указания на некоторые источники И. Так, А. С. Архангельский отмечал, что значительная часть «слов», «наказаний», «поучений», входящих в состав *Изборника 1076 г.*, «читается нередко с буквальной точностью и в древнерусских Измарагдах. К числу таких статей принадлежат, напр., Стоглав Геннадия, извлечения из Книги премудрости Иисуса сына Сирахова, различные слова, напр. Слово Иоанна Златоуста, како поща честити, извлечение из Афанасиевых ответов, Сказание о милостивом Созомене и, может быть, некоторые другие» (Архангельский А. С. Творения отцов церкви. . ., с. 70—71). Статьи И. обнаруживают близость к отдельным словам из Златоусту и *Маргарита*, они основаны на сочинениях Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина (см. «*Паренесис*»), Евсевия Александрийского. В статьях И. использованы «*Пандекты*» Никона Черногорца, «Вопросы Антиоха и ответы Епифания» псевдо-Афанасия Александрийского, «Диалоги» Григория Двоеслова, сочинения *Серапиона Владимирского* и др.

И. сохранился в большом числе списков. Подобно Златоусту каждая из двух основных редакций И. имеет традиционный состав, который может быть реконструирован путем сопоставления ряда списков, но в чистом виде, без индивидуальных черт — добавлений, пропусков, перестановок глав, — этот состав встречается в конкретных рукописях весьма редко. Первая редакция известна пока в трех списках. Старший список (ГБЛ, собр. Румянцева, № 186, вторая половина XIV в.) дефектен: в нем читаются главы 6—9, 12—24, 26—40, 44. Выдвигалось предположение, что дефектность списка — результат цензурного вмешательства (Попов Н. П. Памятники литературы строгельников, с. 41—42). С пропуском нескольких глав и другой список первой редакции — ГПБ, Ф.1, № 233 (XVI в.). Лучшим считается список ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 204 (также XVI в.).

Наиболее полными и традиционными по составу являются следующие списки второй редакции И.: БАН, 13.2.7 и 34.7.21 (без конца); ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 91, 202, 203; собр. Ундольского, № 1279; собр. МДА, № 22/46; ГИМ, Синодальное собр., № 230; ГПБ, Основное собр., Ф.1.225 и Ф.1.533; Соловецкое собр., № 359/270; Кирилло-Белозерское собр., № 39/1116; собр. Погодина, № 1019, 1022, 1023. Текст И. второй редакции вошел в *Великие Минеи Четьи* под 31 июля, он содержит 159 глав: главы 20, 26, 89, 131 и 160 пропущены, две главы носят один и тот же номер — 56 (описание см.: Иосиф. Подробное оглавление Великих Четых Минеи всероссийского митрополита Макария, хранящихся в московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892, стб. 348—361).

А. С. Архангельский и Н. А. Яковлев указывают и на другие редакции И. Однако этот вопрос требует исследования: скорее всего мы имеем дело с многочисленными индивидуальными переработками текста памятника. Пространный сборник статей, в числе которых и несколько глав из И. второй редакции, а также апокрифические статьи, статьи из Златоуста и т. д., находится в ГБЛ, собр. Ундольского, № 542 и 543 (два тома). Этот сборник, однако, был почти полностью издан в 1912 г. в московской старообрядческой книгопечатне под заглавием: «Измарагд, иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого и прочих святых». Научного издания И. не существует, хотя отдельные главы публиковались исследователями. Помимо названных ниже работ см. также: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897, вып. 3.

Лит.: Лукьянов П. Отчет о занятиях в столичных библиотеках. — Протоколы заседаний совета имп. Харьковского университета и приложения к ним. Харьков, 1867, № 6, с. 557—595; № 7, с. 628—643; Некрасов И. С. Опыт историко-литера-

турного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873, с. 107—116, 121—123; Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники). Киев, 1875, с. 297—300; Филарет. Обзор, с. 76—82; Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, с. 202—205; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1889, вып. 1—2, с. 46—47, 61—74; Казань, 1890, вып. 3, с. 88—116; Казань, 1890, вып. 4; Карнеев А. Вероятный источник «Слова о среде и пятке». — ЖМНП, 1891, сентябрь, с. 160—175; Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893; Соболевский А. И. [Рец. на кн. В. А. Яковлева]. — ЖМНП, 1894, январь, с. 233—238; Владимиров П. В. Из истории древнерусской письменности: (Переводные творения отцов церкви. Вопросы и ответы. Измарагда). — ЧИОНЛ, 1895, кн. 9, отд. 4, с. 28—44; Изергин В. Материалы для литературной истории древнерусских сборников. СПб., 1905, с. 16—78 (СОРЯС, т. 81, № 1); Петретц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Л., 1929, т. 3, с. 1—19; Седелъников А. Д. Следы стригольнической книжности. — ТОДРЛ, Л., 1934, т. 1, с. 128—130; Попов Н. П. Памятники литературы строгильников. — ИЗ, М., 1940, № 7, с. 34—45; ИРЛ I. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 155—162; Клибанов А. П. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 385—388; Адрианова-Петретц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 3—29.

О. В. Творогов

«Лествица» Иоанна Синайского, или Лествичника, — распространенная в Древней Руси с XIV в., но известная и ранее книга, состоящая из ряда произведений: собственно Л. обычно предваряется в этом сборнике кратким житием автора, написанным вскоре после его смерти монахом Раифского монастыря Даниилом, письмом к автору книги игумена Раифского монастыря Иоанна, ответным посланием автора, небольшими предисловиями и рисунком ведущей на небо лестницы, ступеньки которой помечены названиями добродетелей; сопровождается Л. «Посланием к игумену» того же автора. Кроме указанных сочинений, сведения об Иоанне Лествичнике извлекаются из *патериков Синайского* и *Азбучного*.

Время жизни автора Л. ранее определялось как 483—563 гг. (Филарет), затем как 525—606 гг. (распространенная в литературе датировка), как десятилетия до 649 г. (Ф. Но) и как период, начало которого около 579 г., а конец после 654 г., но не позже 680 г. (Дм. Богданович). С Иоанном Лествичником и его братом Георгием традиционно связывалась история сыновей константинопольского сенатора VI в. Ксенофонта и его жены Марии — Иоанна и Аркадия (в монастыре Георгия), учившихся философии в Вирите (Бейрут), потерпевших кораблекрушение при возвращении туда из дома, порознь спасшихся и постригшихся в Палестине в монахи; не имея от них вестей, отец отправился их искать, нашел в Иерусалиме, после чего и сам оставил свет и поселился с женой поблизости от сыновей; но достаточно надежных оснований для такого отождествления нет, за исключением того, что Иоанн Синайский был греко-культурным человеком и славился ученостью, по какой причине и был называем Схоластиком. Известно, что в шестнадцать лет он пришел в Синайский монастырь и стал послушником тамошнего аввы Мартирия, в двадцать лет был им пострижен в монахи, причем другой авва, Стратегий, глядя на юношу, предсказывал, что тот будет «великой звездой вселенной», а Анастасий Синайский и Иоанн Савваит провидели в нем будущего синайского игумена.

После девятнадцати лет жизни в полном повиновении у аввы Мартирия, когда тот умер, Иоанн выбрал себе в долине при подошве Синая, в двух часах ходьбы от Синайского храма (вероятно, храма в честь Богородицы, построенного в 557 г. императором Юстинианом), углубленное и уединенное место Фола и пещеру и стал там «безмолвствовать», днем молясь и возделывая свой огород, а по вечерам читая, переписывая и сочиняя книги. Жизнь он вел строгую, но аскетических крайностей избегал. Совершил путешествие в египетскую Скитскую пустыню и в мо-

настырь Тавенны, каковые и описал в Л. У него появился ученик Моисей (в частности, он носил ему плодородную землю для огорода); к нему приходили за помощью и советом другие монахи, так что кто-то назвал его «многоглаголивым и празднословным», вследствие чего Иоанн в течение года совершенно молчал. В игумены Синайского монастыря он был избран после сорока лет отшельнической жизни — значит, в возрасте 75 лет, пробыл несколько лет игуменом, затем поставил на свое место брата Георгия, а сам вернулся к уединению в прежнем месте Фола и вскоре скончался (брат его вскоре тоже умер). С Иоанном Лествичником связывали сохранившееся письмо от 1 сентября 600 г. папы Григория Великого (540—604), написанное в ответ на посланное ему с Палладием письмо синайского игумена Иоанна (папа просит в этом письме авву Иоанна молиться за него, желает ему успеха в привлечении благословения небес на его стадо и в побуждении стада — словами и собственным примером — к добродетелям; кроме того, он сообщает, что выслал мебель для госпиталя, построенного на Синае каким-то иностранцем); однако расчеты В. Бенешевича показали, что это должен был быть другой синайский игумен Иоанн.

Из предшествующих Л. посланий ясно, что Иоанн писал, отвечая на просьбу игумена Раифского монастыря Иоанна, и что наименование книги «Лествицей», а глав ее «степенями», т. е. ступенями, было внушено заказчиком. Образ лестницы морального восхождения был к тому времени известен в учительной литературе (встречается у Иоанна Златоуста, Феодорита Кирского, Макария Великого; в форме лестницы добродетелей из 17 ступеней написаны наставления аввы Пинуфия — см.: PL, t. 73, p. 833). Видимо, под влиянием этого образа заказчик и просил у Иоанна Синайского слов, возводящих читателя «наподобие... лестницы даже до врат небесных». Автор как бы побоялся ослушаться этой просьбы; адресовал он свою книгу, однако же, не к заказчику, а к руководимой тем братии соседствующего (расположенного в 30 км от Синая на берегу Суэцкого залива) Раифского монастыря.

В этой книге Иоанн Лествичник собрал, вероятно, издавна ведшиеся им записки о духовной жизни. На него оказали то или иное влияние Григорий Назианзин (ум. ок. 390), Евагрий Понтик (346—399), Макарий Великий (ум. ок. 400), Нил Синайский (ум. ок. 430), Иоанн Кассиан (360—435), Диадок Фотикийский (400—480), Авва Исая (ум. 488), традиции египетского Скита, как они отразились в «Изречениях отцов» (V в.), южнопалестинский авва Варсануфий (первая половина V в.), папа Григорий I Великий (540—604), Иоанн Мосх (540—619), Антох Пандект (VII в.).

Свое сочинение Иоанн Лествичник разделил на тридцать «степеней» — по числу лет жизни Иисуса Христа до крещения и начала проповеди, как сказано в одном из предисловий. В общей композиции книги принцип духовного восхождения выдержан: первые двадцать три «ступени» посвящены грехам, остальные семь — добродетелям. Книга начинается темой отречения и уклонения от мирской жизни как естественной ради монашеской, называемой вышеестественной. Автор различает причины, по которым люди идут в монахи («или ради будущего царствия, или ради множества грехов, или по любви к богу»), указывает три вида иноческой жизни — наедине, с одним или с двумя и в общегитии, причем о среднем из этих состояний говорит как о «царском пути», приличествующем многим. Далее он объясняет связанные с отречением от мира монашеские обеты и дает наставления новичкам — часто с помощью небольших, патерикового типа рассказов о виденных им подвижниках. Эти рассказы роднят Л. с Синайским патериком, или Лугом духовным, Иоанна Мосха. Много внимания автор уделяет требованию безусловного послушания ученика наставнику, необходимости покаяния для очищения совести, постоянной памяти о неизбежности смерти и неустанного вни-

мания к собственным мыслям и голосу совести — не перестала ли она «томить» и жечь, вызывая сокрушенный плач. От монаха Иоанн требует быть кротким, не злопамятным, скупым на слова, правдивым, не унывающим, не ленивым, воздержанным в пище, целомудренным и чистым как внешне, так и внутренне. При этом — со ссылкой на «рассудительных отцов» — он дает (использованный затем в русской литературе *Нилом Сорским*) анализ пути развития в душе человека страсти: от первоначального возникновения в уме какого-либо образа до полного подчинения воли (различаются «прилог», «сочетание», «сосложение», «пленение», «борьба» и, наконец, «страсть»); отмечает «еще и иной... тончайший помысл, называемый набегом мысли, который так быстро проходит в душе, что без слова и образа и времени мгновенно представляет человеку потаенную его страсть».

Из страстей, или помыслов, главными он считает славолубие, сластолюбие, сребролюбие, которые порождают остальные — гнев, злопамятство, уныние, тщеславие, гордость. Но он говорит также о семи страстях (в 14-й «степени»), поясняя, что тщеславие является просто начальной стадией гордости. Пятнадцатая «степень» заканчивается несколько риторической речью души к собственной плоти и ответом ей плоти (в XI в. это место было использовано Филиппом Пустынником при написании «*Диоптры*», построенной как диалог души и плоти). Далее в книге с осуждением говорится о сребролюбии, даже возбуждаемом как бы благим намерением собирать деньги для бедных, и с похвалой — о нестяжании; сообщается также о смерти души и ума, «нечувствии» тех, кто, говоря одно, делает другое; о сне и бодрствовании (отмечается, в частности, что от многого сна происходит забывчивость, бдением же очищается память); о малодушии, тщеславии и гордости (она называется признаком душевного бесплодия); о приобретаемых путем самовоспитания кротости, простоте и беззлобности («Простосердечный инок есть как бы разумом одаренный скот»).

Говоря о смиренномудрии, Лествичник, между прочим, высказывает убеждение (в XIV в. в Византии оно стало предметом споров), что недоступное существо может быть постигнуто «от действий его и свойств». Постоянным руководителем человека в подобающем рассуждении о помыслах, страстях и добродетелях Иоанн называет совесть. В завершающих книгу «степенях» говорится о «священном тела и души безмолвии», о душевном и телесном предстоянии на молитве, «матери всех добродетелей», о бесстрастии как о «земном небе» и о союзе веры, надежды и любви как о высших ступенях «лествицы». В целом автору свойственна обращенность внимания вовнутрь, в душу человека. Он — наблюдательный, умный и проницательный психолог, знающий типы людей, их внутренние состояния, склонности, пристрастия, ошибки, уловки самобмана, трудности самообуздания и т. п.

Главной целью земной жизни человека он считает достижение жизни вечной, воскресение души прежде общего воскресения, а главными причинами гибели людей во времени — страсти сластолюбия, сребролюбия и тщеславия. Мельком, в первой «степени», говоря о мирянах, Иоанн замечает, что если они удерживают свой язык от лжи и злословия, руки от воровства, ум от превозношения, а сердца от ненависти, не отрываются от церкви, сострадаютельны к нуждающимся, никого не соблазняют и к чужому не прикасаются, то они недалеко от царствия небесного.

С Л. Иоанна Синайского начинается то, что в науке называется «синайской школой», для которой характерны методическая постепенность и осторожность в аскезе, жизнь в киновии при полном послушании духовному отцу, исихия (безмолвие) с концентрацией на Иисусовой молитве как метод и обожение путем восприятия божественных «энергий» как идеал. Язык Л. легок, в целом прост, афористичен, по большей части чужд витиеватости, хотя автор и прибегает к олицетворениям и

аллегориям и иногда ритмизует свой текст; естественным образом в него входят народные пословицы и поговорки (их насчитывают 66). Каждая «степень» Л. завершается стихотворным резюме.

«Послание к игумену», или «Слово к пастырю», следующее обычно за Л., состоит из пятнадцати глав, обращенных уже прямо к самому игумену Иоанну Раифскому. Здесь речь идет о качествах, необходимых для руководителя. Во множестве используются параллели из мирской жизни. Между прочим говорится, что «неприлично учителям от писаний других преподавать свою науку и живописцам только с чужих рисунков свои изображать»; перечисляются необходимые для врача «пластыри, разные приемы, глазные примочки, питья, губки, также негнушаемость, кашли, жилосечива, прижигательные орудия, мази, усыпительные зелия, нож и обвязки»; упоминаются «малодушные корабельщики, кои во время крайнего зноя оставляют корабль свой и бросаются из корабля в воду для прохладения»; отмечается, что «дети бывают одни собственные и родные, другие от двубрачия, иные же подкинутые, и иные побочные, рожденные от рабынь». Труд духовного пастыря сравнивается, таким образом, с делом капитана, врача, художника и учителя; в частности, высказывается соображение, что если духовный врач изобилует «безмолвием духовным», то он имеет меньшую нужду в безмолвии «телесном». Оканчивается послание «соплетением венца» из похвал Иоанну Раифскому, получателю; среди прочего говорится, что тот, «яко премудрый некий архитектон», положил основание лестнице добродетелей, возвел ее, побудив говорить своей пастве «нечистые уста» автора, и сам взшел по ней на самый верх.

Заказчик Л., Иоанн Раифский, архиепископ критский Илья (VIII, IX или X в.), патриарх Фотий (IX в.), Михаил Пселл (XI в.), Никифор Каллист (1350—1362) и другие писали на нее толкования (см.: *Patrologia Graeca*, т. 88). Вскоре после создания Л. ее использовали в своих сочинениях ученик Иоанна Филофей Синайский (конец VII в.) и Анастасий Синайский (ум. после 700 г.). В послеиконоборческое время, с IX в., Иоанн Лествичник начал почитаться византийской церковью как преподобный, а популярность его книги стала расти. Церковным уставом было определено читать Л. в Великий пост с понедельника по четверг на утрени и на 3-м, 6-м и 9-м часах, по пятницам на 3-м и 9-м часах, в четвертое воскресенье Великого поста совершать память Иоанна Лествичника — помимо дня его смерти, 30 марта.

Судя по сохранившимся греческим спискам (их не менее 73), больше всего читателей у Л. в Византии было в XI в.; затем, в XII—XIII вв., интерес к ней снижался, в XIV в., в период исихастских споров, повысился вновь, а далее опять стал падать и к XVII в. сошел на нет. Л. была использована в произведениях Феодора Студита (759—826), Симеона Нового Богослова (971—1022), Никиты Стифата (XI в.), Никона Черногорца (XI в.), Никифора Святогорца (конец XIII в.), Григория Синаита (ок. 1280—1346), Григория Паламы (1286—1359), патриарха Каллиста I Ксанфопола (ок. 1397) и др. В византийской гимнографии существует канон, написанный (не позднее XI в.) под сильным влиянием Л. с использованием ее текста, в частности в виде акростиха. Л. была переведена на сирийский, армянский, грузинский, арабский, эфиопский, славянский (неоднократно), латинский (неоднократно), новогреческий, украинский, итальянский, французский и английский языки.

Первый славянский перевод Л. был выполнен, как предполагают, в Болгарии в X—XI вв.; его древнейшие сохранившиеся списки датируются XII в. (ГБЛ, Музейское собр., № 198). По характеристике А. Горского и К. Невоструева, он темен, маловразумителен, а во многих местах и совсем неверен. Им пользовались Савва Сербский (ок. 1174—1225), Стефан Первовенчанный (1196—1228), Феодосий Хиландарский (XIII—XIV в.), Даниил Печский (1323—1337) и др. Не позднее XIII в.

выписки из Л. попали в *Пролог* (см.: ГИМ, собр. Хлудова, Пролог, 1262 г., 5 января — о Мине Синайском). В XIII в. на Л. сослался *Симон* в послании *Поликарпу* (в составе *патерика Киево-Печерского*). Около 1370 г. в Сербии создали новый славянский перевод Л., более точный и понятный, чем первый. Его инициатором был князь Георгий Бранкович, руководителем — браничевский митрополит Саватий; работали над ним афонские старцы, вызванные из Хиландарского монастыря, по найденным в Константинополе греческим и собранным в Хиландаре и Смедереве славянским спискам. В 1387 г. в Константинополе, в Студийском монастыре, митрополит всея Руси *Киприан*, в то время изгнанный из Москвы, сделал список этого нового славянского перевода Л. (рукопись ГБЛ, МДА, фонд., № 152). Видимо, сам митрополит доставил этот список на Русь. В Москве его неоднократно копировали. Судя по списку БАН, собр. Н. В. Тимофеева, № 9, некий иеромонах Прохор привозил Киприанову рукопись в Тверь к епископу Евфимию и там она была переписана в 1402 г. (странно только, что писец сообщает в приписке, что умолил Евфимия выдать ему автограф митрополита: тверской епископ Евфимий Вислень умер в Москве в 1392 г.). От 1402 г. дошел и список старого, болгарского перевода Л. (ГИМ, Синодальное собр., № 141). Новый перевод быстро вытеснил старый. На Русь он попадал, видимо, неоднократно и разными путями. Например, в 1420—1421 гг. некто Евсевий-Ефрем в константинопольском монастыре Богородицы Иперивлепто сделал список (ГБЛ, Волоколамское собр., № 462), который потом неоднократно переписывали на Руси (известны три его копии XV в.). Тот же Евсевий-Ефрем в 1423—1424 гг., начав в Константинополе, закончил с помощью другого писца на Афоне, в Ватопеде, еще один список Л. (ГИМ, Успенское собр., № 18-бум.).

Часто в конце славянских списков Л. помещается словарик, поясняющий отдельные слова перевода. Этот словарик появился в Сербии в XIV в., а на Руси в XV в. был развит как словарь общего значения. Списки Л. различаются также наличием или отсутствием толкований (старейший список толковой Л. — ГБЛ, МДА, фонд., № 3, XIV—XV вв.).

Всего славянских списков Л. сохранилось более ста. Распределение их по времени показывает, что интерес к Л. резко возрос в XIV в. — одновременно с интересом к родственным ей аскетическим сочинениям Исаака Сирина, Аввы Дорофея, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и т. п. По сборникам в большом числе распространились выписки из Л. (как с указанием источника, так и без него) и проникали даже в текст других произведений, например в книгу *«Стефанит и Измилат»*. На Руси во второй четверти XV в. популярность Л. пошла на убыль, но в конце XV—начале XVI в. вновь возросла, причем в Заволжье, в Кирилло-Белозерском монастыре, значительно больше, чем в центральной Руси, в Троице-Сергиевой лавре. Это объясняется происшедшим тогда оживлением, особенно в Заволжье, скитского образа монашеской жизни, старчества, а также творчеством Нила Сорского (1433—1508), в большой мере опиравшегося на Л. Хотя Л. пользовалась высоким авторитетом также у *Иосифа Волоцкого* (1440—1515), однако же «иосифлянам» она была более чужда, чем «нестяжателям», — хотя бы в силу порицания ее автором всяческого любостяжания, каким бы общественно полезным оно ни казалось. Л. была включена в *Великие Минеи Четы*. Но спад интереса к Л., как и вообще к психологической литературе, в XVI—XVII вв. на Руси повсеместно продолжился.

В 1647 г. в Москве Л. была напечатана по сербскому переводу с толкованиями, перемежающимися с ее текстом, причем количество толкований здесь значительно расширено выписками из других книг, в том числе из сочинений Нила Сорского и *Максима Грека*. В 1785 г. это издание было перепечатано в Варшаве старообрядцами. В печатном Прологе, начиная с издания 1659 г., выписки из Л. обнаруживаются под

24 сентября, 3 октября, 20 декабря, 12 марта, 19 апреля, 7 мая и 25 июня. В XVIII в. Паисий Величковский (1722—1794) сделал новый перевод Л. В этом же веке митрополит Филофей Лощинский, переработав Л., создал свой «Сибирский лествичник». С конца XVIII по конец XIX в Л в новом славянском переводе Д М Ульянинского неоднократно печаталась в Петербурге, Киеве и Москве «Слово к пастырю» было издано Московской духовной академией в 1851 г. и неоднократно переиздавалось (4-е изд — 1894 г.).

Изд Греческий текст S Ioannis Scholastici, abbas Montis Sinae, qui vulgo Climacus appellatur, opera omnia / Interprete Matthaeo Raderio Lutetiae-Parisiorum, 1633, PG, t 88, col 583—1248, 'Εν Κωνσταντινουπόλει 1883, 'Εν Αθήναις, 1959, P Trevisan, S Giovanni Climaco Scala Paradisi (Corona Patrum Salesiana, 8) Torino, 1941 Сербский перевод с толкованиями М, 1647, Варшава, 1785 Перевод Д М Ульянинского М, 1785, СПб, 1812, 1817, Киев, 1823, 1836, 1862, 1869, М (издание Козельской Оптиной пустыни), 1862, 1869, 1892.

Лит Шафарик П И Обзорение примечательнейших памятников древнего времени у сербов и у других южных славян — Jahrbucher der Litteratur, Wien, 1831, T 53, Архангельский А С 1) Нил Сорский и Вассиан Патрикеев Их литературные труды и идеи в Древней Руси Ч 1 Преподобный Нил Сорский СПб, 1881, с 160—163 (ПДП, № 25) (об использовании Л Нилом Сорским), 2) Творения отцов церкви в древнерусской письменности — ЖМНП 1888, август, отд 2, 5) К изучению древнерусской литературы Творения отцов церкви в древнерусской письменности СПб, 1888, с 88—92, Соколов И Преподобный Иоанн Лествичник и его «Лествица» — Душеполезное чтение, 1889, март, с 277—320, Пападопуло Карамевс Φωτεινὸν πατρ. ἀρχαίου Σχολαῖα εἰς τὴν Κλίμακα ΠΠС, 1892, т 2, с 21—24, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона СПб, 1894, т XIIIa (26), с 671—672, Krumbacher K Geschichte der byzantinischen Litteratur Munchen, 1897, S 143—144, Яцимирский А Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе XX — ИОРЯС СПб, 1899, т 4, кн 2, с 471—475, Nau F Note sur la date de la mort de S Jean Climaque — Byzantinische Zeitschrift, 1900, t 11, S 35 sqq, ПБЭ, СПб, 1905, т 6, стб 1005—1007, Clugnet L Saint John Climacus — The Catholic Encyclopedia, 1913, vol 8, p 457, Petit L Jean Climaque — In Dictionnaire de Theologie Catholique Paris, 1924, vol 8, 1, p 690, Benešević V Sur la date de la mosaïque de la Transfiguration au Mont Sinaï — Byzantion, 1924, N 1, p 156—172, Перетц В Н Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв Л, 1926, с 73—77 (СОРЯС, т 101, № 2) (об украинском переводе Л), Корнеева-Петрулан М Лествица 1479 г как памятник письменного языка Псковской области XV в — Slavia, Praha, 1931, roč 10, seš 1, с 1—6, seš 2, с 226—241, Bontschew A Die Asketik und Mystik des Johannes Klimacus (diss) Marburg, 1945, Martin J R The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus Princeton, 1954, Душанић С Браничевски превод Лествице Јована Синаита Браничево, 1956, Herpel M 1) Some Slavonic Manuscripts of the «Scala paradisi» («Lestvica») — Byzantinoslavica, 1957, t 18 (2), p 233—270, 2) The Rila Manuscripts of the «Lestvica» (Scala Paradisi) — Byzantinoslavica, 1971, t 32, p 276—283, Ковтун Л С Русская лексикография эпохи средневековья М, Л, 1963, с 217—260, Цинцадзе М. Язык «Лествицы» Иоанна Синаита в грузинском переводе Евфимия Афонского (текст с исследованием и словарем) Автореф канд дис Тбилиси, 1966, Богдановић Дм Јован Лествичник у византијској и старој српској књижевности Београд, 1968, Вздорнов Г И Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв — ТОДРЛ, Л, 1968, т 23, с 174—195; Volker W Scala Paradisi Eine Studie zu Johannes Climacus und zugleich eine Vorstudie zu Symeon dem Neuen Theologen Wiesbaden, 1968, Couilleau G Jean Climaque — In Dictionnaire de spiritualite ascetique et mystique Doctrine et histoire / Ed M Viller Paris, 1974, т 8, col 369—389 (обширная библиография), Прохоров Г М Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник Авва Дорофей, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в — ТОДРЛ, Л, 1974, т 28, с 317—324, Драгунский Д В «Лествицы» Пушкинского Дома — ТОДРЛ, Л, 1976, т 30, с 345—347, Geerard M Clavis Patrum Graecorum, vol 3 A Cyrillo Alexandrino ad Johannem Damascenum Вреполс—Turnhout, 1979, p 476—478, Трифуновић Ћ Речник уз српске преписе Лествице Прилог познавању српске средњовековне лексикографије — Јужнославеники филолог, Београд, 1982, т 32, с 79—87

Г. М Прохоров

Маргарит — переводной сборник уставных чтений, состоящий из избранных слов, бесед и поучений Иоанна Златоуста и получивший боль-

шое распространение на Руси в XV—XVIII вв. В древнерусскую литературу этот сборник пришел из Византии и сохранил греческое название — *Margaritha*, что в переводе означает «жемчужина»: «Маргарит, сиречь бисер или жемчуг именуется... Словеса убо, яже суть в книзе сей, якоже в златом перстени драгии камень блистающа, веселит некако, взирающаго на нь. Сице и разум словес тех... воссия паче злата, благодати, луча независтная, озаряющи благочестивых сердца...». М. — сборник морально-учительного характера, сближающийся с другими четырьмя сборниками: *Измарагдом*, *Златой цепью*, *Златой матицей* и др.

Византийские М. не имели строго определенного содержания, в разных списках помещались разные сочинения Иоанна Златоуста и количество их колебалось от 20 до 70—80 (см.: Архангельский А. Творения отцов церкви... с. 212). Древнерусский М. — сборник, обладающий устойчивым составом статей. Его прототипом, вероятно, послужил один из многочисленных вариантов греческого М., переведенный на церковно-славянский язык. Литературную основу древнерусского М. составили 30 сочинений Иоанна Златоуста, среди которых произведения экзегетические, догматико-полемические, а также слова общеморального и аскетического содержания, а именно: шесть слов «о непостижимом», шесть слов против иудеев, шесть — о серафимах, пять — о «богатом и Лазаре», три — о Давиде и Сауле, четыре беседы об Иове (последние из подложных или сомнительных сочинений Златоуста, см.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей... с. 119—124). Такое содержание имеют М. 1499 г. и XVI в. в собрании ГИМ (см.: там же, № 126, 127), М. 1494 и 1567 гг. в собрании ГПБ (F.I, № 196, 213), М. XV—XVII вв. в собрании ГВЛ (см.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицко-Сергиевой лавры. М., 1878, ч. 1, № 147—150) и др.

Постоянный состав статей М. был закреплен печатными изданиями (из них первое вышло в Остроге в 1596 г.). В некоторых рукописях и печатных М. после основного текста под заглавием «От книг, глаголемых Маргарите» помещается группа из пяти сочинений Иоанна Златоуста: 1 — «О создании Адамова...», 2 — «О Адаме, яко прежде снести ему от древа разумнаго...», 3 — «Чего ради древо разумно добро и зло наречеся...», 4 — «Слово о покаянии и умиления и яко скор бог в спасении...», 5 — «Оглашение к хотящим креститься и о притчи винограда». Наличие или отсутствие этой группы слов послужило для В. М. Истрина основанием для разделения списков М. на полные и краткие. Объясняя заголовок пятичленной группы, В. М. Истрин предлагает считать ее остатком южнославянского М., более полного и более древнего, чем древнерусский, возникшего путем перевода другого греческого варианта М. Эта группа была занесена к нам, а так как и она называлась Маргаритом, то и была механически присоединена к уже существующему в древнерусской письменности М. В качестве дополнений к М. встречаются слова, посвященные праздникам солнечного и лунного календаря (неподвижным и подвижным), — сочинения Кирилла Александрийского, Елифания Кипрского, Григория Никомидийского и др., а также поучения, жития святых; среди последних чаще других «Житие и жизнь Иоанна Златоустаго», написанное Георгием, архиепископом александрийским. Эти сочинения древнерусскими книжниками не связывались с содержанием книги М., воспринимались ими именно как дополнения к данному типу книги, о чем свидетельствует тот факт, что во многих рукописных и печатных М. после 30 перечисленных выше слов Иоанна Златоуста, иногда после пяти слов «от книг, глаголемых Маргарите», следует приписка: «До zde скончашася книга слов блаженнаго Иоанна Златоуста, глаголемая Маргарите», или: «Се же приписи в книзе сей и се кроме Маргарита».

Время и место перевода М. на церковно-славянский язык точно не известны. Некоторые сочинения М., вошедшие также в состав *Златоустрия* болгарского царя Симеона, были переведены еще в X в., но в древнерус-

ских М. эти переводы не использованы. А. Горский и К. Невоструев считали, что перевод слов М. «не принадлежал к числу древних переводов» (Описание славянских рукописей. . ., с. 126); но, как считал Архангельский, он все же был выполнен не позднее XIII—XIV вв. (Архангельский А. С. Творения отцов церкви. . ., с. 212). А. И. Соболевский упоминает о южнославянском переводчике Дионисии, ученике болгарского патриарха Феодосия, который в XIII в. перевел М. (ПБЭ, стб. 943; см. также: Соболевский. Переводная литература, с. 8). Списки М. не встречаются в древнерусской письменности ранее XV в. Перевод и распространение на Руси М. были обусловлены предписаниями уставов, древнерусские списки которых называют М. среди других сборников уставных чтений уже в XIV в. (Истрин В. М. Замечания. . ., с. 478). Это, впрочем, не может служить доказательством существования древнерусских М. в данный период. Церковные уставы переводятся с греческого языка, и, следовательно, упоминание в них М. указывает на использование М. в православном культе, на наличие этого типа сборника в византийской литературе; вероятно, именно это и могло послужить побудительной причиной перевода М. на церковно-славянский язык. Время и порядок чтения сочинений, составивших древнерусские М., определены в предисловиях к печатным изданиям М.

В древнерусской литературе название М. иногда соотносилось не только с определенным типом книги, но вообще со сборником учительного содержания: Так, в XVI в. известный публицист Андрей Курбский составляет сборник из сочинений Иоанна Златоуста и других христианских писателей и называет его «Новый Маргарит». В этот сборник Курбский включил разнообразные в жанровом и тематическом отношении произведения: торжественные слова, посвященные церковным праздникам, беседы, толкования, жития. . . С древнерусским традиционным М. по происхождению и содержанию «Новый Маргарит» Андрея Курбского не имеет общих черт (о «Новом Маргарите» см.: Архангельский А. С. 1) Очерки из истории западнорусской литературы XVI—XVII вв. Приложения. — ЧОИДР, 1888, кн. 1, с. 3—87; 2) Творения отцов церкви. . ., с. 217—229). Кроме религиозно-нравственной дидактической направленности не имеет ничего общего с древнерусским М. и памятник нового времени — «Маргарит, или Избранныя душеспасительныя изречения, руководящая к вечному блаженству с присовокуплением некоторых бесед, относящихся исключительно к женским обителям» (М., 1893, 1905).

Древнерусский М. как четкий учительный сборник занимает видное место в культурно-бытовом обиходе человека средневековья; он сыграл заметную роль в истории древнерусской литературы. Сочинения Иоанна Златоуста, вошедшие в состав М., привлекали внимание совершенством формы, христианско-демократической направленностью идей и, вызывая многочисленные подражания, служили излюбленным чтением в Древней Руси на протяжении нескольких веков. Древнерусский М. дает нам представление об истоках и особенностях средневекового миропонимания, системе эстетических и этических ценностей средневекового общества.

Изд.: Маргарит. Острог. 1596; Маргарит. М. 1644, 1698, 1764, 1773, 1890, 1901; Маргарит. Варшава, 1788; Памятники славяно-русской письменности, издаваемые Археографической комиссией. Сентябрь, вып. 2. СПб., 1868, стб. 773—1493.

Лит.: Горский А. Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859, отд. 2, ч. 2, с. 119—131; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. — ЖМНП, 1888, август, с. 212; Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. — ИОРЯС, СПб., 1898, т. 3, кн. 2, с. 478—491, 509—511; Соболевский А. И. Иоанн Златоуст в русской письменности. — ПБЭ, СПб., 1905, т. 6, стб. 943.

Т. В. Черторицкая

«Паренесис» Ефрема Сирина — популярный в Древней Руси сборник слов, преимущественно назидательного характера, восходящий к грече-

скому переводу произведений сирийского богослова, писателя и поэта Ефрема Сирина (Мар Афрем, ум. в 373 г. в Эдессе).

Хотя в основе сборника лежат «увещательные слова» (λόγοι παρακλιτικοί — отсюда заглавие книги) Ефрема Сирина к египетским монахам, а к большей части других глав также подобраны греческие оригиналы (полное издание сочинений Ефрема Сирина см.: Sancti... Ephraem opera omnia qua exstant, Graece, Syriace, Latine, in sex tomos distributa... / Ed. J. S. Assemanus, P. Benedictus, S. E. Assemanus. Romae, 1732—1746), в полном виде подобный сборник греческой рукописной традицией не засвидетельствован. А. С. Архангельский высказал предположение, что П. возник на славянской почве. Перевод П. по языку относится к древнейшему периоду славянской письменности; по-видимому, он был осуществлен в Болгарии еще в X в. Хотя древнейший полный список памятника датируется XIII в. (ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 7), сохранились его фрагменты значительно более раннего времени — Македонский глаголический листок (который, правда, датируют по-разному; по наблюдениям И. И. Срезневского и других исследователей, перевод здесь и в полных списках П. один и тот же) и др. Есть и иные свидетельства распространения П. в XI—XIII вв.: по уставу патриарха Алексея (древнейший полный список XII в. — ГИМ, Синодальное собр., № 330) в течение седмиц четыредесятницы «чтеться святый Ефрем до вторника цветнаго» (Виноградов В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1914, вып. 1, с. 43); в описи XII в. русских книг монастыря Богородицы Ксилургу на Афоне отмечена книга «Св. Ефрем» (Срезневский. Памятники, стб. 57); слова Ефрема Сирина имеются в сборнике XII в. ГБЛ, ф. 310.1, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 12 (Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, М., 1968, вып. 30, с. 93—98, 125—137); слово 48 П. (об Авраамии Затворнике, по нумерации слов в рукописи Троице-Сергиевой лавры № 7) вошло в Успенский сборник (Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 474—490); ссылку на Ефрема Сирина встречаем в *патерике Киево-Печерском* (ПЛДР: XII век. М., 1980, с. 514); в *Житии Авраамия Смоленского* сказано, что святой «любя часто прочитати учение преподобнаго Ефрема» (ПЛДР: XIII век. М., 1981, с. 72); наконец, П. был переписан по повелению волынского князя Владимира Васильковича (список ГПБ, собр. Погодина, № 71а, см.: Срезневский. Памятники, стб. 149).

П. был одной из самых читаемых книг в Древней Руси и других славянских землях (влияние его И. Гопев отмечает в «Завете» Иоанна Рильского, «Прогласе к Евангелию» и других древнеболгарских памятниках). Многие слова П. в полном или переработанном виде вошли в состав *Измарагда*, а также *Пролога*; памятник отразился и в *Палее Толковой* (см.: Успенский В. М. Толковая Палея. — ПС, 1876, июль, с. 75 и сл.; Франко. Апокрифы, ч. 1, с. 124—144). Особенно популярны были слова Ефрема Сирина эсхатологического содержания, отразившиеся в древнерусских сочинениях и духовных стихах (см.: Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879); часто переписывалось 85-е слово П., в переделанном виде вошедшее в Пролог под 30 сентября («о проскуре рекше о комкании», см.: Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 150—152; Туницкий Н. Древние сказания о чудесных явлениях младенца Христа в евхаристии. — БВ, 1907, май, с. 206; Яцимирский А. И. К истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности. — ИОРЯС, 1910, т. 15, кн. 1, с. 7—17); 48-е слово (об Авраамии Затворнике) оказало влияние на *Житие Авраамия Ростовского*, *Житие Нила Столбенского* (см.: Кадлубовский А. Очерки по истории древнерус-

ской литературы житий святых, с. 12—43), его знал и *Ефрем*, автор Жития Авраамия Смоленского; одно из слов П. (Архангельский А. С. Творения отцов церкви. . . , т. 3, с. 34) использовал в своем послании старец Елеазарова монастыря *Филофей* (см.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, с. 189—192). Влияние слов Ефрема Сирина усматривают в сочинениях Климента Охридского, митрополита *Илариона*, *Кирилла Туровского*, *Серапиона Владимирского*, *Нила Сорского*. П. был включен в *Великие Минеи Четьи* под 28 января.

По мнению А. С. Архангельского, древнейшая редакция П. ограничивалась 101—104 словами. Об этом, по его мнению, свидетельствует тот факт, что различия между списками касаются в первую очередь последующих, «прибавочных» слов. Этот вывод был оспорен П. В. Владимировым, который указал, что в Уставе (список ГИМ, Синодального собр., № 330) в неделю мясопустную положено чтение «слова святого Ефрема о второмъ пришествии» (Виноградов В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1914, вып. 1, с. 44), идущее в полных списках П. под номером 105. Впрочем, рукописная традиция славянских переводов Ефрема Сирина остается почти не изученной. Первое издание П. вышло в Москве в 1647 г. (по данным В. С. Сопикова, было издание 1643 г., см.: Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1904, ч. 1, с. 27) и затем многократно перепечатывалось (иногда вместе с поучениями аввы Дороефа, впервые: М., 1652). В издании 1701 г. к первоначальному составу сборника были добавлены переведенные Федором Поликарповым «ина словеса новопреведенныя тогожде святого Ефрема» (числом 28, а также «Завет святого Ефрема Сирина» и «Слово похвальное преподобному отцу Ефрему Сирину»).

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 2, с. 49—51; Срезневский И. И. 1) Сведения и заметки. СПб., 1867, т. 1, вып. 1, с. 27—81 (№ V—IX); 2) Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, с. 146—148, 398—405; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, т. 3; Владимиров П. В. [Рец. на книгу А. С. Архангельского «Творения отцов церкви в древнерусской письменности», т. 3]. Отд. отт. из «Киевских университетских известий» за 1891 г. (то же в сокращении: ЧИОНЛ, 1895, кн. 9, с. 23—28); Погорелов В. К вопросу о Македонском глаголическом листке. — РФВ, 1903, т. 49, № 1—2, с. 24—31; Цонев Б. Из Софийской национальной библиотеки. — В кн.: Сборник статей, посвященных почитателями академику и засл. проф. В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. СПб., 1908, ч. 2, с. 914—924; Ильинский Г. А. Македонский глаголический листок: Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина XI века. СПб., 1909 (Памятники старославянского языка, т. 1, вып. 6); Гординский Я. Слова св. Ефрема Сирина в перемиських пергамино-вых листках поч. XIV в. — ЗНТШ, Львів, 1918, т. 126—127, с. 171—209; ИРЛ I. М.; Л., 1941, т. 1, с. 189—190; Гошев И. Рилски глаголически листове. София, 1956; Vaillant A. Le saint Ephrem slave. — Byzantinoslavica, 1958, t. XIX, N 2, p. 279—286; Українські письменники, с. 735—737; Hemmerdinger-Iliadou D. 1) L'Ephrem grec et la littérature slave. — In: Actes du XII-e Congrès international des études byzantines. Beograd, 1964, t. 2, p. 343—346; 2) L'Ephrem slave et sa tradition manuscrite. — In: Geschichte der Ost- und Westkirche in ihren wechselseitigen Beziehungen. Wiesbaden, 1967, p. 87—97.

Д. М. Буланін

Пролог — древнерусский житийный сборник, ведущий свое происхождение от византийских месяцесловов, или синаксарей. П. имеет календарный характер: жития святых расположены в нем в соответствии с днями их церковной памяти; на каждый день года обыкновенно приходится несколько житий и памяти святых. Проложные жития отличаются исключительной краткостью и сухостью изложения (ср. Минеи четьи). П. был переведен в Киевской Руси как необходимое пособие при богослужении, но уже в домонгольское время пополнился множеством помещенных в него с назидательной целью рассказов и поучений, благодаря чему превратился в своеобразную православную энциклопедию. В Древней Руси П. пользовался широкой популярностью и сделался со-

временем любимой книгой для чтения. Сохранилось около трех тысяч рукописных П. различного вида. Наименование «Пролог» употреблялось только на Руси: по-видимому, заголовок предисловия (греч. *πρόλογος*) был по ошибке принят за название самой книги. Имеется три основных разновидности обыкновенного (нестишного) П.: славянский Синаксарь, 1-я русская редакция и 2-я русская редакция. Все три вида относятся к киевскому периоду. Существование двух редакций П. (Синаксарь и 1-я редакция не разграничивались) было установлено архимандритом Сергием (см.: Сергий. Полный месяцеслов Востока, М., 1875, т. 1, с. 216—289).

Славянский (переводной) Синаксарь сохранился в единственном русском списке (ГПБ, Софийское собр., № 1324, 1-я часть, конец XII в.), а также в нескольких сербских и болгарских списках XIII—XIV вв. Синаксарь, как и его византийский источник, представляет собой календарный свод житий и памятей с тропарями важнейшим святым. Непосредственным греческим оригиналом Синаксаря явился Менологий Василия II (около 985 г.) с дополнениями, сделанными в XI в. вначале студийским монахом Ильей, а затем Константином, митрополитом мокисийским. Обилие местных константинопольских праздников указывает на происхождение этого оригинала. Точное время и место перевода Менология на славянский язык неизвестны, однако ряд словарных данных доказывает участие в этом предприятии русских переводчиков. Были выдвинуты две гипотезы: согласно первой (архимандрит Сергий, А. И. Соболевский, В. А. Мошин), Синаксарь был переведен на Руси, причем не позднее начала XII в.; по другой версии (М. Н. Сперанский), этот перевод есть результат совместной работы русских и южнославянских книжников в Константинополе или на Афоне. Данные текстов позволяют отдать предпочтение первой гипотезе. Во всяком случае не вызывает сомнений тот факт, что перевод Синаксаря, даже если он был выполнен в Константинополе, предназначался для надобностей именно русской церкви; возможно, он был сделан для Киево-Печерского монастыря, студийский устав которого предписывал чтение Синаксаря. Вскоре после перевода в текст Синаксаря были внесены памяти русских святых: Бориса и Глеба (см. *Нестор, Сказание о Борисе и Глебе*), *Феодосия Печерского*. Этот русский Синаксарь в XIII в. был перенесен к южным славянам, где претерпел некоторые изменения (в том числе был дополнен новыми русскими статьями), но не получил большого распространения (о южнославянских П. см. у А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, А. И. Яцимирского и В. А. Мошина).

1-я редакция П. известна только в русских списках; к ней относится большинство (около 50) пергаменных П., в том числе древнейший датированный список П. (ГИМ, собр. Хлудова, № 187, 1262 г.) и ряд списков XIII—XIV вв. (например, ЦГАДА, Типографское собр., № 154—160, 163, 168—179; ГИМ, собр. Уварова, № 96, 325, 326; Синодальное собр., № 239, 240, 839). В бумажных списках 1-я редакция П. встречается сравнительно редко. Так как 1-я редакция своим объемом значительно превосходит Синаксарь, годовой текст разделен в ней (как и во 2-й редакции П.) на две половины — сентябрьскую и мартовскую. 1-я редакция имеет вид, отличный от синаксарного: под каждым числом вслед за житиями вписана назидательная статья (небольшое поучение или патериковый рассказ). Несмотря на видимую новизну состава, 1-я редакция не является оригинальной переработкой Синаксаря: житийная часть 1-й редакции в точности соответствует переводному Синаксарю, а правоучительные статьи почти все взяты из пространной 2-й редакции П. (которая, таким образом, по нашему мнению, хронологически предшествует первой). Первоначально эти выписанные из 2-й редакции статьи были собраны в конце Синаксаря в качестве приложения к нему (такой порядок сохранен списками ГПБ, Софийское собр., № 1324, 2-я часть; ЦГАДА, Типографское собр.,

№ 171; ГИМ, собр. Уварова, № 83), но вскоре были разнесены по числам. Составление подобной компилятивной редакции объясняется, по-видимому, желанием сохранить древний канонический состав житий (измененный во 2-й редакции) и воспользоваться в то же время новым литературным материалом. Кроме того, такая компиляция по своему объему была более удобна для частой переписки на пергамене, нежели громоздкая 2-я редакция. Составление 1-й редакции датируется началом XIII в.; о месте ее возникновения нельзя сказать ничего определенного. Во всех списках 1-й редакции читается одинаковый набор русских праздников — памяти Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, освящения церкви Георгия, Десятиной и Софии Киевской. Статьи на эти праздники в 1-й редакции составлены главным образом по *Повести временных лет* и не особенно удачны. Этот комплекс русских статей был внесен в Синаксарь в Киеве еще во второй половине XII в. и в составе Синаксаря перешел в текст 1-й редакции. Статьи о Владимире Святом и о перенесении мощей Николая (см. *Житие Николая Мирликийского*), также читающиеся в 1-й редакции, взяты из 2-й редакции П. Некоторые списки 1-й редакции (в том числе ГПБ, Ф.п.147, XIII в. и ГПБ, Софийское собр., № 1325, XIV в.) сохранили архаическую черту переводного Синаксаря — тропари и указания служб.

2-я редакция П. по своему объему вдвое превышает первую; пергаменные ее списки редки (см.: ЦГАДА, Типографское собр., № 164 и 166, конец XIII—начало XIV в.; № 153, конец XIV в.; ГИМ, Синодальное собр., № 244—248, XIV в.; Успенское собр., № 3, 1406 г.; ГПБ, СПб. ДА., А 1/264₁₋₂, конец XIV в., и др.), бумажные считаются сотнями. 2-я редакция (в отличие от первой) есть подлинная русская редакция Синаксаря, результат последовательной и полной переработки синаксарного текста. Весь житийный материал подвергся решительным изменениям: многие памяти выброшены или перенесены на другие числа, введены новые святые, прежние краткие жития расширены вставками или заменены новыми, более подробными. В этих изменениях составители 2-й редакции руководствовались преимущественно древнеславянскими Четвыми минеями. Во 2-й редакции имеется также некоторое число статей апокрифического характера (жития Константина и Елены, Мелхиседека, апостола Нафанаила и др.). Отдел русских праздников во 2-й редакции замечателен своей полнотой: в него входят статьи о Борисе и Глебе, Феодосии Печерской (иные, чем в 1-й редакции), жития Ольги, Владимира, Антония и Исаакия Печерских, Леонтия Ростовского, сказания о постройке церкви Георгия, о пришествии апостола Андрея на Русь, о перенесении мощей Николая Мирликийского, слово на праздник Покрова. Кроме того, во 2-ю редакцию вошли краткие жития славянских святых — *Жития Кирилла и Мефодия, Людмилы и Вячеслава Чешских*. Наконец, важным нововведением было внесение в житийный текст Синаксаря массы назидательных статей (подобный нравоучительный материал никогда не встречался в греческих месяцесловах). Подобная фундаментальная переработка Синаксаря несомненно могла быть предпринята лишь компетентными деятелями, имевшими в своем распоряжении большую библиотеку оригинальной и переводной литературы. Исследование текстов 2-й редакции и ее русских житий позволяет предполагать, что местом ее составления был Туров, а временем — конец XII в. Можно предположить также, что инициатором переработки Синаксаря был древнерусский писатель и церковный деятель *Кирилл Туровский* (ум. ок. 1180). Заметим, что именно в ранних списках 2-й редакции сохранилось единственное известное *Житие Кирилла Туровского*. Назидательный отдел П. необычайно богат: его составляют многочисленные рассказы из патериков, отрывки из больших житий *Андрея Юродивого*, Варлаама и Иоасафа (см. *Повесть о Варлааме и Иоасафе*), Иоанна Милостивого, притчи, поучения Иоанна Златоустого, Ефрема Сирина (см. *Паренесис*) и т. п. (об источниках П. см.: Пет-

ров Н. И. О происхождении и составе...). Это собрание коротких, доступных и часто занимательных отрывков положило основу всей древнерусской литературе поучений и обеспечило П. постоянный успех. Общее направление проложных поучений альтруистическое, идеи милосердия и любви к ближнему преобладают. Литературное влияние П. неоспоримо: проложными рассказами изобилуют сборники, их цитируют позднейшие жития и «Домострой» (см. *Сильвестр*), на их сюжеты сочиняются духовные стихи. В новое время сюжеты П. обрабатывали Н. С. Лесков и Л. Н. Толстой; К. Н. Батюшков в своих сатирах сделал П. символом славянофильства.

Ипой, независимый вид П. представляет собой так называемый «стишной» П., сравнительно мало распространенный на Руси. Этот П. нового перусалимского устава был переведен с греческого в Сербии в XIV в.; «стишным» он именовался потому, что его жития предварялись краткими стихами в честь святых. Наиболее ранний русский список «стишного» П. (ГИМ, Чудовское собр., № 17) датируется концом XIV в. Есть основания полагать, что «стишной» П. был привезен и введен в обращение на Руси митрополитом *Киприаном*, пропагандировавшим иерусалимский устав (см. статью А. А. Турилова). Впоследствии «стишной» П. трансформировался, в частности дополнялся различными статьями из 1-й и 2-й редакций нестишного П. В XVI в. «стишной» П. вместе со 2-й редакцией обычного П. вошел в *Великие Минеи Четьи*.

Первое издание П. состоялось в Москве в 1641—1643 гг. и отличалось крайней компилятивностью: для него были смешаны тексты 1-й, 2-й и «стишной» редакций. За ним последовали новые издания П. (в том числе семь изданий XVII в.), уже не связанные с рукописной традицией и подчинявшиеся в своих изменениях политической конъюнктуре (см. «Литературный сборник XVII века: Пролог»). Полного научного издания П. не существует. Единственная заслуживающая внимания публикация выполнена по болгарской рукописи переводного Синаксаря (1339 г.) и не доведена до конца (см.: Пролог по рукописи Публичной библиотеки...). Достаточно подробные описания отдельных списков П. см. в кн.: Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 374—384; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. 2. Казань, 1885, с. 207—226; Абрамович Д. И. 1) О Спасо-Прилуцком Прологе Санкт-Петербургской духовной академии. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905, с. 282—288; 2) Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. СПб., 1907, вып. 2, с. 154—270; Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. М., 1976, с. 49—62, 124—162, 197—203. Оглавление житийного отдела П. см. у Сергия (Сергий, архимандрит. Полный месяцеслов Востока, т. 4, Прил. 10). Отдельные русские жития, вошедшие в состав П., рассматриваются в кн.: Никольский. Повременной список; Шахматов. Разыскания; Серебрянский. Княжеские жития; Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916, с. XV—XVIII, 104—108.

Изд.: Пролог. СПб., 1895, кн. 1; СПб., 1896, кн. 2; Славяно-русский Пролог. — В кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1896, вып. 2; СПб., 1898, вып. 4; Пролог по рукописи Публичной библиотеки Погодинского древлехранилища № 58. СПб., 1916, вып. 1. (Изд. ОЛДП, № 135); СПб., 1917, вып. 2. (Изд. ОЛДП, № 136); Литературный сборник XVII века: Пролог. М., 1978.

Лит.: Калайдович К. 1) Известия о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811, с. 9—10, 14; 2) Иоанн Ексарх Болгарский. М., 1824, с. 90—91; Востоков А. X. 1) Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих г-ну Норову. — ЖМНП, ч. 11, 1836, сентябрь, отд. 2, с. 538—541; 2) Описание, с. 447—462; Снегирев И. Новгородский древний Пролог. — В кн.: РИС, М., 1839, т. 3, кн. 3, с. 293—296; Бодянский О. Об одном Прологе библиотеки Московской духовной

типографии и тождестве славянских божеств Хорса и Дажьдбога. — ЧОИДР, 1846. № 2, с. 5—23; Куприянов И. Обзорение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857, с. 25—26; Срезневский И. 1) Памятники, с. 90 и сл.; 2) Сведения и заметки: III. Мифологий Константина митрополита Мокийского. СПб., 1867, с. 11—19 (СОРЯС, т. 1, № 6); 3) Сведения и заметки: ХLI. Финляндские отрывки из памятников древнего русского письма XI—XV вв. СПб., 1874, с. 2—14 (СОРЯС, т. 12, № 1); Владимирский Н. Несколько слов о Прологе, памятнике древнерусской письменности, и несколько вопросов из древнейшей эпохи нашего просвещения. — Учен. зап. Казанского ун-та, Казань, 1875, ч. 42, с. 851—883; Петров Н. И. 1) О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (Иноземные источники). Киев, 1875; 2) Новые сочинения по агниологии в 1875 г. — Труды КДА, 1876, т. 1, с. 583—603; Сергий, архимандрит. 1) Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агниология. М., 1875, с. 216—289; 2-е изд. Владимир, 1901, с. 278—351; 2) Ответ по агниологии. — ЧОЛДП, 1876, кн. 5, с. 334—370; 3) Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятыя Богородицы. СПб., 1889, с. 57—84; Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древнерусской письменности. 1. К истории древнерусского Пролога. Киев, 1894, с. 1—31; Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. СПб., 1896, т. 1, с. 457—467; Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910 (VII. Особенности русских переводов домонгольского периода); Сперанский М. Н. 1) Сентябрьская Минея Четырех домакарьевского состава. СПб., 1899, с. 1—9 (СОРЯС, т. 64, № 4); 2) История древнерусской литературы. 2-е изд. М., 1914, с. 201—209; 3) К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур. — ИОРЯС, Пг., 1926 (за 1921), с. 143—206; Перетц В. Н. К истории славяно-русского Пролога. — Зап. Неофилологического общества, 1914, вып. 8 (отд. отг.: Пг., 1914); Шляпкин И. А. Лекции по истории русской литературы. 3-е изд. Пг., 1915, ч. 1, вып. 2, с. 63—66; Серебрянский И. Княжеские жития, с. 2—25 и сл., Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной югославянской и русской литературам. — ИОРЯС, Пг., 1916, т. 21, кн. 1, с. 79—85; Смирнов И. М. Синайский патерик. Сергиев Посад, 1917, с. 260—272; Дурново Н. Введение в историю русского языка. Брно, 1927, с. 41—76; Mosin V. Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskog u svjetlosti visantijsko-slavenskih odnosa XII—XIII vijeka. — Zbornik Historijskog Instituta Jugoslavenskih Akademije, Zagreb, 1959, vol. 2, p. 17—68; Widnäs M. Les synaxaires slavo-russes des «Fragments Finlandais». — Commentationes Humanorum Litterarum, Helsinki, 1967, vol. 38, № 1, p. 1—214; Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 225—269; Бегунов Ю. К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 41—50, 58—74; Бубнов Н. Ю. Славяно-русские Прологи. — В кн.: Методические рекомендации. М., 1973, вып. 1, с. 274—296; Кучкин В. А. Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661—1662 гг. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 138—156; Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. — В кн.: Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории. М., 1978, с. 39—44; Фет Е. А. 1) О Софийском Прологе конца XII—начала XIII в. — В кн.: Источниковедение и археология Сибири. Новосибирск, 1977, с. 78—92; 2) Прологи в собрании Пушкинского Дома. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 34, с. 357—364; 3) Новые факты к истории древнерусского Пролога. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 53—70.

Е. А. Фет

Рай — под этим названием в Древней Руси было известно несколько литературных памятников, по происхождению и содержанию зачастую никак не связанных друг с другом.

Рай I. Древнерусский календарный сборник *Уставных чтений*. Календарь Р. охватывает часть триодного цикла: от недели мытаря и фарисея до страстной недели включительно — Пространная редакция Р.: с 3—4-й недели поста до страстной недели включительно — Сокращенная редакция Р. Примером пространной редакции может служить сборник 1512 г. Древлехранилища ИРЛИ АН СССР, собр. Величко, № 1; сокращенной редакции — сборники второй половины XVI в.: ГПБ, Софийское собр., № 1273; ГИМ, собр. Уварова, № 539, собр. Единоверческого монастыря, № 28. Тематику сборника Р. определили евангельские и ветхозаветные сюжеты, использованные Иоанном Златоустом и другими византийскими и славянскими писателями в дидактических и торжественных словах. Кроме статей, непосредственно связанных с библейскими текстами, в Р. вошли и другие сочинения, наставляющие, как надо го-

говиться к посту и пасхе, декларирующие христианские добродетели, а также сочинения, в которых с назидательными целями вспоминаются события церковной истории («о избииении в болгарех христиан», *Федора Тирона мучение* и др.). Слова и поучения, составившие древнерусские Р., принадлежат широко известным византийским, южнославянским, древнерусским авторам, таким как Андрей Критский, Афанасий Александрийский, Григорий Антиохийский, Ефрем Сирий (см. «*Paranesis*»), Епифаний Кипрский, Иоанн Дамаскин, Иоанн Златоуст, Никифор Каллист, Федор Студит, Климент Охридский, *Кирилл Туровский*, *Григорий Цамблак* и др. Уже сам перечень авторских имен дает представление о большом литературно-художественном значении Р.

По календарной приуроченности, тематике и дидактической направленности сочинений Р. сближается с триодными Торжественниками (см. *Торжественник*) и постными Златоустами (см. *Златоуст*). С первым гипом сборника Р. роднит еще и жанровая природа большинства статей — произведений эпидейктического рода красноречия. Отличительной особенностью Р., кроме собственно календарных признаков, может служить и необыкновенно большая насыщенность сборника словами на страстную неделю: так, например, в упомянутых выше списках Р. соответственно 35 слов (из общего числа статей в сборнике 85), 40 (из 47), 19 (из 28) и 39 (из 46) слов посвящены событиям «страстной седмицы». Среди этих произведений есть и древнерусские редакции общеизвестных переводных гомилий, и оригинальные сочинения, свидетельствующие о том, что книга Р. несомненно возникла на русской почве. Характерной особенностью списков Р. является также наличие в них предисловия, объясняющего название сборника, раскрывающего его тематику: «Рай бо сад овощны нарицается. Къ дверемъ бо рая земнаго, аще пришед видиши, много различни сади тамо узриши, от двоих или триих вкусившу ти насытишися. Сия же книги, аще усердием отверзаеши, плоды небесныя обрящеши, и аще съ разумом ясти начнеши, николи же насытишися. Самого бога Христа трапезу предложену обрящеши, служителя трапезе Луку и Матфея евангелисты имуща, врата же трапезе отворяющи и вводящи, приходящая питатися, Иоанна Златоустаго имуща; отсюду же исходящу ти, въ другаа врата видиши, и тамо Давида пророка и царя грапезу обрящеши, духовною пищею изобилно исполнену, и тамо златословеснаго служителя имуща; в третия же врата входящу ти, апостольския плоды сладки обрящеши, их же изначала веровавшим изъобилно предложима. По сих же рай святых отецъ обрящеши, многоразличныя и благоуханныя цветы имуща; сего ради рай книга сия наречется».

Списки Р. до начала XVI в. не известны. И в XVI—XVII вв. этот тип сборника не был широко распространен в древнерусской письменности. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что только в 60-е гг. XVI в. с этой книгой впервые ознакомился *Андрей Курбский*, человек для своего времени высокообразованный (Седельников А. Книга «Рай»..., с. 96). Систематического исследования древнерусских Р. до сих пор проведено не было, поэтому относительно литературного прототипа и происхождения Р. можно высказать пока только предварительные суждения. На наш взгляд, наиболее вероятным источником для формирования Р. послужил триодный Торжественник 1-й редакции. В процессе эволюции, накопления нового литературного материала триодный Т. разрушается, отдельные его части получают самостоятельное развитие, тематическую и жанровую специализацию. Так произошло со Златоустом, продолжившим дидактическую линию, с пятидесятым Торжественником, развившим тематику пасхального и послепасхального циклов. Подобным образом при переработке Торжественника составители Р. за основу своего сборника взяли наиболее драматический период христианской истории — события «страстной седмицы». В составе нового сборника происходит сокращение календаря, увеличивается количество

эпидейктических слов, посвященных одному празднику (в данном случае — «страстям господним»). Это давало возможность древнерусским авторам и составителям показать и свою творческую индивидуальность и умение пользоваться традиционным литературным материалом для выражения собственных мыслей и чувств. В развитии одной темы древнерусские книжники раскрыли перед нами многообразие средств выражения, подвижность жанровых форм литературы XVI в. Сборник не издавался.

Лит.: Седелъников А. Книга «Рай» — особый вид Златоустника. — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 95—99 (СОРЯС, т. 101, № 3).

Рай II. См. *Сборник*.

Рай III. Мысленный. Сборник преданий об афонских монастырях и святых Иверского Богородичного монастыря Новгородской епархии, основанного патриархом *Никоном* в 1653 г. на острове озера Валдайского. Составлен при участии патриарха Никона в целях прославления Иверского монастыря, пропаганды и «исторического» обоснования политических идей Никона. Напечатан в том же монастыре в 1659 г. под заглавием: «Книга глаголемая Рай мысленный, въ ней же различные цветы. Преподобным Стефаном Святогорцем собраны...». Начинается сборник с предисловия к читателю от имени иверского архимандрита *Филофея* «съ братиею». В предисловии особо выделена роль Никона при строительстве монастыря и кратко обозначено содержание книги. После «Сказания о горе Афонской, како бысть жребий пресвятой владычицы нашей богородицы, и како наречется святая гора и сад ея, иже и повесть о божественных иконах...», принадлежащего перу Стефана Святогорца, после сказания об Иверском Афонском монастыре и Портaitской иконе следуют русские сочинения, тенденциозно подчеркивающие преемственность славы и святости Афона новосозданным русским монастырем. Первое слово «о создании монастыря пресвятой Богородицы Иверския», в память *Филиппа* митрополита Московского и на перенесение мощей Иакова Боровского, «списано смиренным Никоном патриархом, в той же обители будучи». Два других русских сочинения, включенных в состав Р. Мысленного, безымянны: слово похвальное богородице и о чудесах при водворении Иверской иконы в монастыре русском и слово о явлении мощей Иакова Боровского чудотворца, о перенесении мощей из Боровиц в Иверский монастырь на Святом Озере.

Издание 1659 г. было единственным. В конце XVII и в XVIII вв. сборник распространяется в рукописных списках, причем к основному тексту делаются всевозможные добавления (см.: ГПБ, Соловецкое собр., № 990/1099; ГБЛ, ф. 304.11, отд. I, № 51).

Изд.: Рай Мысленный. Иверский монастырь, 1659. Отд. тексты см.: Буслаяв Историческая хрестоматия, стб. 1121—1124; Шмидт С. О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI в. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 358—363.

Рай IV, или Едем. Сочинение *Кариона Истомина*, учительный, религиозно-нравственный сборник, известный под заглавием: «Едем, си есть сладость прохлаждающая и вразумляющая человека зрениемъ духовным и известно сотворение и спасение людемъ въ иконахъ знание въ стихописании творить». Сочинение написано в 1693 г. и поднесено в дар царевичу Алексею Петровичу.

Лит.: Браиловский С. И. Один из «пестрых» XVII-го столетия. — Записки имп. Акад. наук. VIII серия. Ист.-филолог. отд.-ние, СПб., 1902, т. 5, с. 273—275 (выдержки из сборника см. с. 419—422).

Рай V. Сборник, состоящий из 99 дидактических четверостиший, в общедоступной форме утверждающих нормы христианской морали и

преимущества монашеского образа жизни. Напечатан в Анфологионе 1660 г. в переводе *Арсения Грека* под заглавием: «Главы, преведенныя от книги нарицаемыя Рай о деянии и житии преподобных отецъ, Нилом иноком, нецыи же глаголют Ионою Геометром списаны быти проелеиацки». Метафорическое название сборника в известной мере раскрывается в 1-й главе «Яко безсмертна есть читающимъ польза»:

Цветущий рай святыхъ ликъ есть,
 яже благоуханья сладка концы земныя исполняет
 тем же всякъ яже страстьми уязвися
 любовною душею зде да приметъ неглешня цветы жнйяй.

Каждая из 99 глав имеет свою тему, которая четко сформулирована в названии: «яко прощение есть удобно» (гл. 2), «яко самимъ страхомъ божиимъ заграждается языкъ» (гл. 3), «яко прилежнейша в ноци есть молитва» (гл. 5), «яко полезно есть в келии пребывати» (гл. 6), «яко от великихъ ничтоже бываетъ кроме дерзновения» (гл. 7), «яко недужному исцеляти иныхъ несть лепо» (гл. 11), «яко должно есть щедроты к нищымъ имети» (гл. 12), «яко несть лепо богу работать и мамоне» (гл. 15), «яко тщетно есть чревообъядатися» (гл. 19), «яко умъ нежели плоть блюсти достоинъ» (гл. 20), «яко подобаетъ отъ ближнихъ познавати себе» (гл. 21), «яко падаетъ и сила отъ нерадения» (гл. 22), «яко деломъ нежели словомъ поучатися» (гл. 23), «яко многообразенъ есть злобы наветъ» (гл. 27), «равна суть морю пастоящаго жития волны» (гл. 29), «яко вся къ созиданию ближняго творити» (гл. 32), «яко не велемудрствовати лепо» (гл. 40), «яко послушание паче всего» (гл. 44), «яко клястися зло есть» (гл. 52), «яко постничество богомъ учимо есть» (гл. 57), «яко праздность есть греху любовна» (гл. 79), «яко молитвы памятозлыхъ не приятны» (гл. 93) и т. д.

Изд.: Анфологион. М., 1660, л. 1—18 (особый счет листов).

Лит.: Соболевский. Переводная литература, с. 311.

Рай VI. Сборникъ поучений и правилъ для монастырскаго духовенства, составленный Каллистомъ Ксанфопуломъ, патриархомъ константинопольскимъ, и Игнатиемъ Ксанфопуломъ в XIV в. Полное название сборника таково: «Художество и правило... о изволяющихъ безмолвно пожити и иночески и о пребывающихъ и жителстве и пици ихъ и о еже еликихъ благовиновно безмолвие бываетъ проходящимъ е. Разделися же настоящее слова сего списания на сто главъ. Глаголется же наименование книги сея Рай, яко мало не отъ всего божественнаго писания обдержитъ въ себе свидетелство». Сочинение Каллиста и Игнатия Ксанфопуловъ читается в составе книги «Добротолюбие, или Слова и главизны священнаго трезвения, собранныя отъ писанийъ святыхъ и богодухновенныхъ отецъ», издававшейся в XVIII—XX вв. в России несколько разъ (1-е изд. — в 1793 г., в Москве, в переводе Паисия Величковскаго (см.: Добротолюбие, ч. 2, л. 48 об.—113 об.), издание повторено в Москве в 1822, 1840, 1851, 1857 г.; в переводе епископа Феофана «иждевениемъ русскаго на Афоне Пантелеймонова монастыря» в Москве издано в 1883—1890, 1895—1900, 1901—1905 и 1913 гг.). В России и в другихъ славянскихъ странахъ создавались и рукописныя списки книги Р. Ксанфопуловъ, такъ, например, А. И. Яцимирский называетъ 8 списковъ Р. XVIII в. (см.: Яцимирский А. Славянскыя и русскыя рукописи румынскихъ библиотек. СПб., 1905, с. 573).

Рай VII. Этимъ Р. иногда называли *Патерикъ азбучный и иерусалимскый* или выписки изъ него (см.: Леонид, архимандрит. Сведения о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св.-Троицкой духовной семинарии в 1747 году. М., 1887, вып. 1, с. 100, 105; ПБЭ. Пг., 1904, т. 5, стб. 813).

Т. В. Черторицкая

Соборник — распространенное название различных древнерусских сборников вообще. В узком, специальном значении термин этот закрепляется за определенным типом древнерусской печатной книги XVII—начала XVIII в. С. был назван первый русский печатный календарный сборник *Уставных чтений*, изданный в Москве в 1647 г. Редакторы дают С. метафорическое пояснение: «Книгу, глаголемую соборник, юже азъ воистину нарицаю рай, от нея же обымающе плоды духовныя... , цветник же паки или рай сию книгу глаголю, зане якоже в чувственномъ раю содержатся различныя и многыя плоды, тако же и сей имать святыхъ и преподобныхъ богоносныхъ мужей учительная словеса...» (Из послесловия к Соборнику издания 1647 г., л. 880, 880 об.—881). Таким образом, за С. закрепляется и второе название — Рай (см. *Рай II*). Статьи С. следуют в порядке недель триодного цикла и посвящены воскресным и будним дням 18 недель года: от недели мытаря и фарисея до недели всех святых. В составе С. 70 сочинений нравственно-учительного, полемического и панегирического содержания, значительная часть которых является толкованием и риторическим распространением евангельских сюжетов.

Литературный материал С. в тематическом и жанровом отношении распределен относительно равномерно: на каждую неделю в С. включается по 2—4 статьи, развивающих традиционную тематику недель четьридесятницы и пятидесятницы; соблюдается равновесие между эпидейктическими и дидактическими жанровыми формами. В этом заключается главное отличие С. от других триодных сборников *Уставных чтений* — от древнерусской книги Рай (см. *Рай I*), в которой особо развивается тематика «страстной седмицы»; от древнерусских Златоустов (см. *Златоуст*), где наиболее полно отражены недели и дни подготовительные к посту и период великого поста. По структуре и жанровой характеристике статей С. сближается с триодным *Торжественником*, что дало основание А. С. Орлову идентифицировать эти два сборника (Орлов А. С. Сборники... , с. 20). Тем не менее Торжественник и С. — различные древнерусские сборники. Сохраняя форму и частично содержание триодного Торжественника XVI в., С. в то же время включает в свой состав значительное число сочинений из рукописных Златоустов XVI—начала XVII в. По составу С. занимает промежуточное положение между рукописными триодными Торжественниками и печатным Златоустом, первое издание которого вышло в 1795 г. За исключением двух слов (Иоанна Златоуста в понедельник пятой седмицы великого поста «Что есть житие настоящее» и Епифания Кипрского «Слово на погребение Иисуса Христа») печатный Златоуст не помещает тех произведений из рукописных триодных Торжественников и Златоустов, которые уже вошли в состав С. Но характерно, что печатные Соборник и Златоуст, разнясь и практически не пересекаясь друг с другом, не включают в свои составы ни одного слова сверх тех, что уже известны по рукописям триодных Торжественников и Златоустов XV—начала XVII в. Следовательно, разница между печатными триодными сборниками заключается только в несколько иной компоновке старого литературного материала.

Литературной основой С., как и других триодных четьих сборников, являются переводные византийские, а также южнославянские и русские сочинения (в том числе *Кирилла Туровского*, *Григория Дамблага*). Редакция С. 1647 г. в XVIII в. была повторена изданиями Почаевской и Львовской типографий. В издании 1700 г. текст С. 1647 г. был исправлен в московской типографии по греческим и славянским книгам, состав С. при этом пополнился словом Григория, папы Римского, в неделю о блудном сыне. С. 1700 г. вышел с пространством названием: «Книга сия Соборник, сие есть собрание слов правоучительных и торжественных, собранное от учителей святых восточныхъ церкви, святых отцевъ, исполнено

богомудрых учений и толкований, богословских, гражданских же и нравных разумений».

Изд.: Сборник. М., 1647; М., 1700; Сборник, Почаев, 1787; Сборник. Львов, 1793. Существует также несколько изданий XIX—XX вв.

Лит.: Амфитеатров Я. Чтения о церковной словесности или гомилетика. Киев, 1846, ч. 1, с. 259—260; Орлов А. С. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905, с. 20—22 (ПДПИ, вып. 158).

Т. В. Черторицкая

Торжественник — древнерусский календарный сборник *Уставных чтений*, популярный памятник русской литературы конца XIV—XVII в. Содержание Т. составляют переводные и оригинальные сочинения: эпидейктические слова, поучения, сказания о церковных праздниках и жития наиболее чтимых святых, расположенные в определенном порядке. В рукописной традиции термин «Торжественник», появившийся, вероятно, не ранее XV в., используется нерегулярно. Названия, данные Т. древнерусскими переписчиками, различны: «Събрание святых словес на праздники Спасовы, Бгородичны и иных святых многих...», «Сборник, иже наречется сказания жития святых пророк и апостол и святых мученик и святых преподобных отец...», «Книга, глаголемая Сборник, сиречь Тържественник четей...», «Пангирик, сиречь Тържественник...», «Торжественник от мытаря и фарисея, четыредесятница и пятидесятница...». Т. существует в двух разновидностях, в основу выделения которых положен календарный принцип: сочинения, посвященные христианским праздникам солнечного календаря, составили минейный Т., лунного календаря — триодный Т. История формирования и развития, литературное содержание и жанровый состав минейного и триодного Т. различны.

Гомилии минейных Т. посвящаются многим так называемым двенадцатым праздникам (Рождество Богородицы, Воздвижение креста, Введение во храм, Рождество Христово, Богоявление (Крещение), Сретение, Благовещение, Преображение, Успение) и другим праздникам православной церкви (Собор трех святителей, память апостолов Петра и Павла, Положение ризы богоматери... и др.), а также собственно исконно русским праздникам (Покров, Владимирская икона Богоматери, Тихвинская, Казанская иконы и др.). В минейный Т. входят жития святых. Все сочинения обычно располагаются в порядке следования месяцеслова: с 1 сентября, начала индикта, «сиречь нового лета», до 29—30 августа. Минейный Т. может содержать чтения на год, полугодие или на несколько месяцев.

В триодный Т. вошли памятники торжественного и дидактического красноречия. Статьи триодного Т. расположены по порядку недель лунного календаря, или так называемого триодного цикла: с недели мытаря и фарисея и до недели всех святых, т. е. приурочивались к дням подготовительным к посту, великого поста, пасхи, дням и неделям пятидесятницы. Разновидностью триодного Т. является Т. пятидесятный или Пятидесятница, заключающий в себе чтения от недели вербой до недели всех святых. Литературная история триодного Т. тесно связана с судьбой другого древнерусского триодного сборника — *Златоуста*. Состав этих сборников близок. Но если в триодном Т. наблюдается явное преобладание сочинений эпидейктического красноречия, посвященных только праздничным дням триодного цикла, то в составе Златоуста значительное место занимают дидактические гомилии, приуроченные к будним дням триодного круга. По составу триодный Т. сближается также с триодными сборниками Уставных чтений — Рай (см. *Рай I*) и *Сборник*.

Минейный и триодный Т. в своей основе являются переводными памятниками, пришедшими в славянские страны в первые же века после принятия ими христианства.

Прототип минейного Т. — греческий сборник, переведенный в Болгарию и позднее перенесенный на Русь. Древнейший список славяно-русского минейного Т. дошел до нас в составе *Златоустуя* XII в. (ГПБ, Ф. I. п. 46). Прототип триодного Т. и Златоуста (как доказывается в статье Т. В. Черторицкой «О начальных этапах...») сложился на славянской почве, но в его основе лежит группа византийских эпидейктических гомилий, дополненная оригинальными сочинениями (словами Климента Охридского, Иоанна экзарха Болгарского, *Кирилла Туровского* и др.). Формирование прототипа завершилось к XIV в., его образцом может служить рукопись середины XIV в., хранящаяся в ГБЛ, ф. 304, № 9 (Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой-Сергиевской лавры. М., 1878, ч. 1, с. 11—15). Развитие прототипов в конкретно-исторических, культурных условиях Древней Руси XV в. приводит к возникновению трех редакций минейного Т., две первые из которых восходят к разным редакциям византийских Панегириков (см.: Черторицкая Т. В. К вопросу...) и двух редакций триодного Т.

В минейном Т. 1-й редакции (описание устойчивого состава статей см.: Черторицкая Т. В. «Торжественник из собрания ИИФиФ...», с. 168—183) наблюдается значительное преобладание гомилий над житиями, почти полное отсутствие русских сочинений, за исключением тех, которые стали достоянием южнославянской литературы еще в XI—XIII вв. Все сочинения минейного Т. 1-й редакции сохраняют особенности византийской стилистики торжественного красноречия, в том числе и жития, которые приобретают особую жанровую форму — жития-энкомия. Первая редакция триодного Т. возникла за счет расширения состава прототипа эпидейктическими сочинениями византийских и южнославянских авторов (описание устойчивого состава статей см.: там же, с. 184—197). Минейный и триодный Т. 1-й редакции являются образцами «высокого рода литературы». В гомилиях и житиях-энкомиях этих памятников возродились риторико-панегирический стиль и художественная образность эпидейктического красноречия Киевской Руси, усиленные стремлением к «витийству», отличающем писательскую манеру книжников периода «второго южнославянского влияния». В XVI—XVII вв. минейные и триодные Т. 1-й редакции не получают дальнейшего развития, списки Т. 1-й редакции очень малочисленны и в большинстве своем являются копиями списков XV в.

В основе 2-й редакции минейного Т. лежит греческий сборник, 3-я редакция смешанная, составленная путем тенденциозного, целенаправленного подбора произведений, включенных в две первые редакции (устойчивый состав статей см.: Черторицкая Т. В. К вопросу...). Списки 2-й и 3-й редакций минейного Т. XV в. характеризуются преобладанием агиографических сочинений над гомилетическими, использованием в житиях фольклорных мотивов, беллетристической разработкой заданных тем, вариативностью состава, расширенного оригинальными славяно-русскими сочинениями. Среди агиографических произведений значительное место занимают древнерусские жития, в подборе и содержании которых отчетливо прослеживаются абсолютистские устремления московских князей: жития Бориса и Глеба (см. *Сказание о Борисе и Глебе, Нестор*), Владимира Святославича, *Леонтия Ростовского, Алексея и Петра митрополитов, Сергия Радонежского* и др. (см. Черторицкая Т. В. Агиография древнерусских минейных Торжественников XV в. — В кн.: Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1980, с. 5—18).

В XVI—XVII вв. минейные Т. 2-й и 3-й редакций получают особенно широкое распространение. Их развитие свидетельствует о тенденции к сближению, даже слиянию этих редакций; еще больше расширяется и варьируется календарь, и прежде всего в направлении увеличения дней памяти святых. Т. XVI—XVII вв., способствуя укреплению авторитета светской и церковной власти и отражая результаты канонизации

русских святых, включают в свой состав многочисленные новые переводные и оригинальные жития: *Варлаама Хутынского*, *Исидора Твердислова*, «новых чудотворцев». Резкое увеличение агиографического материала в составе минейного Т. приводит к изменению жанровой и композиционной структуры Т. Гомилетическая часть сокращается до минимума. По содержанию и по построению минейный Т. приближается к Минее Четый.

2-я редакция триодного Т. возникла в результате эволюции прототипа в сторону накопления дидактических статей. В списках XV в. наблюдается относительное равновесие между группами сочинений эпидейктического и дидактического красноречия. Списки триодного Т. 2-й редакции XVI—XVII вв. лишь условно можно назвать Т.: генетическая близость к рукописям XV в. подобного содержания, завершенность представленного в торжественных гомилиях праздничного триодного цикла — позволяют по традиции считать их триодными Т., а включение в их состав сочинений не только на праздничные, но и на будние дни триодного цикла, нравственно-логическая смысловая доминанта — сближают эти сборники со Златоустами. В работе Т. В. Черторицкой («О начальных этапах...») высказана мысль, что именно на основе триодного Т. 2-й редакции формируются древнерусские Златоусты.

Минейный и триодный Т. существуют также и в соединении друг с другом — это так называемый общий Т. Изменения, которые произошли в составе Т. на протяжении XV—XVII вв., привели к исчезновению типовых признаков Т. во многих рукописных четых сборниках к XVI—XVII вв., близких по составу минейному и триодному Т., — сборниках, составленных на основе Т. (минейного, триодного, общего). Особое развитие получил Т. в старообрядческой среде. Минейный и триодный Т. 1-й редакции часто переписываются старообрядцами со списков XV в. практически без изменений, но наиболее широкое распространение получает Поморский Т.: «Торжественник, или Слова на праздники, составленные настоятельными безпоповцами Выгорецкой обители...». *Семен Денисов*, устроитель Выговской пустыни, вносит свои сочинения в состав Т., и в дальнейшем, в течение XVIII в., слова и поучения поморских старцев полностью заменили собой традиционные в Т. сочинения византийских, южнославянских и древнерусских авторов. От древнерусского Т. в старообрядческих Т. сохранены структура, календарь (о старообрядческом Т. см.: Дружинин В. Г. Поморский Торжественник. — В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, с. 34—55).

История развития Т. свидетельствует об изменении функции этого сборника в культурной жизни Древней Руси. Т. уже к концу XVI в. перестает быть только сборником Уставных чтений, становится исключительно литературным сборником. Сочинения, вошедшие в состав Т., полно отразили духовные интересы средневековья, оказали несомненное влияние на развитие оригинальной русской письменности.

Лит.: Орлов А. С. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905, с. 9—19 (ПДП, вып. 158); Черторицкая Т. В. 1) Торжественник из собрания ИИФиф (опыт описания сборника постоянного состава). — В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 162—198; 2) О составе минейных Торжественников XV—XVI вв. — В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 13—27; 3) О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников «Златоуст и Торжественник» (триодного типа). — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 96—114; 4) К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника. — В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982, с. 5—27.

Т. В. Черторицкая